

ЮРОДИВЫЙ

Ш
М
И
Г
А
Л
Е
В

Н
И
К
О
Л
А
Й

ПУТЬ
ЗВЁЗДНОГО
ВОИНА

Николай Шмигалеv

Юродивый: путь звездного воина

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Шмигалев Н. Н.

Юродивый: путь звездного воина / Н. Н. Шмигалев — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Он служил на звездном флоте космолетчиком-истребителем. Выгнали за "подвиги". Он пошел работать межзвездным "дальнобойщиком". Доработался то того, что "хронопортировали" в далекое прошлое (чтобы бед от него было меньше, говорил прокурор на суде). Княжеский кремль, дружинники, простолюдины и... прекрасная княжна. Что еще надо чтобы спокойно встретить старость. А он все рвался к любимым звездам...

© Шмигалев Н. Н., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

на этом треть энергоресурса и увеличив тем самым своё финансовое вознаграждение. Что-что, а деньги я умел делать даже из вакуума, впрочем, как и пускать их в оный.

Мой танкер взял курс на Солнечную систему. До дома оставалось всего ничего...

– *Привет!* – раздался учтивый шёпот у меня над ухом. – *Ты только не паникуй!*

От неожиданности я вздрогнул и зацепил лежавшими на пульте управления ногами, за рычаг переключения скоростей (рычаги на космическом корабле, можете представить, сколько веков этой посудине?!).

Глухо зарокотав, заработали дюзы тормозных двигателей. Не пристёгнутый ремнями, я плавно съехал с кресла на пол и трепетно прижался лицом к крышке блока с предохранителями, благо, в этот раз она совершенно случайно оказалась закрыта.

– *Осторожней!* – заботливо прошептал тот, кто поприветствовал. – *Не поранься!*

Выждав, когда звездолёт соизволит окончательно остановиться, я отлепил лицо от тёплого металла, вскочил на ноги и осмотрелся.

– Эй, кто здесь? – оглядевшись и никого не обнаружив, растерянно спросил я.

– *Я-aaa!* – последовал ответ, но в этот раз загадочный голос раздавался не рядом, как мне показалось вначале, а у меня в голове, аккуратно где-то между полушариями мозга, хотя наушники валялись на пульте. – *Я невидим, но всегда рядом, я тот чьё незримое присутствие ты всегда ощущаешь, я твой...»*

– Господи?! Неужели это ты?! – я был поражён голосом, звучащим в моей черепной коробке. Меня это, без преувеличения, шокировало. – Прости меня, Господи, жалкого раба твоего!

Умнее в этот момент мне на ум ничего не пришло, но, поверьте, меня было за что прощать.

После моих искренних слов о прощении, тот, кто говорил со мной, немного помолчал, возможно, списывая с меня парочку грехов, и вскоре вновь дал о себе знать.

– *А почему бы и нет?* – прошептал Он. Неуверенные нотки в интонации, я опрометчиво принял в пользу Его раздумья на счёт моих грехов, никак не связав их с моим первым вопросом. Не дав мне опомниться, он продолжил: – *Ты и впрямь нагрешил парень в своё время, натворил дел, но я милостив ко всем проказам моего подопечного. Я дам тебе шанс реабилитироваться, показать себя с другой, сугубо хорошей стороны. Я здесь, для того чтобы с твоей помощью спасти Землю.*

«Ни хрена себе!» – наверное именно это прочёл Он во всём моём растерянном и, одновременно, торжественно-благочестивом образе.

– *Справа, параллельно твоему маршруту, движется комета Гварцелон,* – удовлетворённый произведённым впечатлением продолжил Он. – *Она погубит Землю! Это просто замечательно, что мы, то есть ты, оказался в нужное время, в нужном месте. Твоя миссия не допустить этого. Кто знает, может быть, я хранил тебя именно для этого случая? Это твой момент истины!*

– Но что я могу сделать, Господи? – развёл я руками, рассматривая на экране индикатора дальней радиолокационной обстановки большую блямбу с хвостом, действительно догонявшую моё скрипучее корыто, идя практически параллельным курсом. Курсом на Землю! – У меня же не ракетный крейсер, и даже не торпедоносец, атаковать эту громадину. У меня даже пушек нет.

– *Думай, парень, думай быстрее!* – шепнул Он, и, вздохнув, проворчал что-то невнятное.

Лихорадочно соображая, я обдумывал возможные варианты действий. На таком расстоянии речевой связи с Диспетчерским Центром Управления Полётами однозначно ещё нет, да и сама рация так и норовит своими противоестественными выходками окончательно дестабилизировать мою центральную нервную систему, то выплёскивая в наушники все шумы Вселен-

ной одной пачкой, то, уходя в отказ, замолкая на неопределённый срок. Если только подать сигнал СОС, но кто и когда на него отреагирует, это ещё вопрос. Время будет упущено. Что-то предпринимать самому это верное самоубийство.

– *Что ты сказал?* – вывел меня из раздумья Его голос. Кажется, последние слова я произнёс вслух, а может, (ё-моё!) может Он читал мои мысли.

– Я думаю, единственный шанс, это идти на таран, – ответил я, приняв для себя очень даже непростое решение. Но ведь, согласитесь, Земля того стоила. – Других вариантов нет.

– *Гм! Это наша единственная возможность не только вернуть честное имя, но и сохранить его в памяти благодарных потомков!* – с пафосом прошептал Он, и опять я подумал, что речь шла только обо мне, не заострив внимания на слове «наша».

– *Ну и чего ты медлишь? Действуй!* – скомандовал мне божественный голос.

Ох, не знаю, братцы, что на меня нашло, может всему виной то самое пресловутое «состояние аффекта», но обычно такой несговорчивый, в этот раз я послушным кроликом запрыгнул в кресло, словно в пасть удаву, пристегнулся (!) и выставил «полный вперед». Неповоротливая посудина, дребезжа, стала набирать скорость.

– *Ну, с Богом!* – прошептал Он своё благословение.

– «С кем же ещё?» – благочестиво подумал я, разворачивая танкер навстречу смертоносной комете, и вслух оптимистично добавил. – *Армагеддона не будет!*

Как не зудел мой «комп», настойчиво предупреждая об опасности, я его совсем даже не слушал. Он мне и так должен остался, чтобы ещё поучать. Пришлось его «заткнуть».

Для спасения Земли мне пришлось отключить не только всевозможные цепи безопасности автопилота, но и сам автопилот, сенсоры опасного сближения и, естественно, защитное силовое поле. В противном случае мой «интеллект», даже со своими проржавевшими мозгами, не напрягаясь «обрулил» бы злосчастную комету, или, на худой конец, танкер самортизировал энергетической «подушкой безопасности» и отлетел бы в сторону, и на полсекунды не изменив траекторию движения космического гиганта.

А так... хорошо шандарахнуло!

За несколько мгновений до столкновения, рубка управления вместе со всем содержимым, на радость мне, всё-таки катапультировалась, отстрелившись от танкера. Поэтому мне посчастливилось наблюдать уже из второго ряда, как от сокрушительного удара сдетонировали несколько сотен тонн цефрония, превращая и танкер и комету в светящееся облако праздничной радиоактивной пыли. Несмотря на приличное расстояние до места происшествия, несколько первых слоёв иллюминатора, в который я наблюдал за столкновением, оплавившись, не дав досмотреть мне такое ослепительное, в буквальном смысле слова, зрелище. Слава Господину Великому Космосу хоть антенны аварийного передатчика были хорошо защищены. Теперь, с чувством выполненного долга, можно послать и сигнал СОС.

Надеюсь, спасителя колыбели человечества встретят по достоинству!

Ага! Встретили по достоинству!

После того как патрульные катера МЧС доставили меня на Землю, прямо на космодроме я был передан в руки, как это принято говорить, «людей в штатском».

Цветов, а тем более духового оркестра, не было.

Как преступника, совершившего особо тяжкое преступление против государства, меня сразу взяли под стражу. Мне инкриминировали порчу государственного имущества в крупном размере, коим являлся сгинувший во взрыве танкер. Но это ещё полбеды, ключевая фраза статьи Уголовного Кодекса Межпланетной Конфедерации, за которую мне грозила высшая мера наказания, звучала так «за умышленное уничтожение стратегических запасов...». Это, как вы догадались, те самые триста семьдесят пять тонн обогащённого цефрония.

Поначалу я пытался возмущаться ошибочной бестактностью «конфедералов», но следователь по особо важным делам представил мне трёхмерные электронные схемы движения той самой кометы, наложенные на голографическую карту звёздного неба. На них ясно было видно, что комета должна была пройти рядом с Землёй, слегка касаясь своим хвостом околоземного космического пространства, абсолютно не причинив вреда колыбели человеческой расы, и мирно, без шума и пыли, покидала пределы Солнечной системы.

Должна была!!!

Осознав всю галактическую нелепость происшедшего, я впал в депрессию. На допросах твердил одно, что действовал по приказу Бога, чем ещё больше нервировал следственную бригаду и специалистов из Космокорпорации. Несколько дней у них ушло на проведение судебно-психиатрической экспертизы, а также проверку моих медкомиссий за последнюю пятилетку, данные которых хранились в архивах Военно-Космического Флота, офицером которого я являлся до недавнего времени.

По всем параметрам меня признали в основном здоровым, может только совсем чуточку невменяемым.

Чтобы доказать, что я не сам всё придумал и натворил, я согласился на проведение расшифровки личного «чёрного ящика», так как бортовые самописцы угробленного мной танкера, как все мы здесь дружно и не без оснований полагали, также пришли в негодное состояние.

Нам, военным лётчикам «его величества» Имперского Флота Земной Межпланетной Конфедерации после выпуска в обязательном порядке встраивались в полушария головного мозга несколько микрочипов. Данные чипы фиксировали всю нашу дальнейшую нелёгкую службу, со всеми её тяготами и лишениями, и изымались при гибели их носителя для соответствующих процедур, или в других исключительных случаях, но, несмотря, ни на что, уже с разрешения носителя. По аналогии с их собратьями, установленными на всех видах техники, эти «жучки» и назывались «чёрными ящиками», а острый на язык, старший мичман Галактионов, техник третьей эскадрильи, прозвал их «посмертными стукачами».

Так как микрочипы фиксировали все процессы, происходящие в моём мозгу, включая подаваемые на мои органы зрения изображения и звуковое сопровождение моего жития-бытия, я надеялся, что комиссия сама сможет услышать сверхъестественный шёпот того, кто меня так коварно подставил.

К сожалению, ничего подобного на записи не прозвучало. Более того, отрезок времени, от его заискивающего «Привета!» до моего воинственного «Армагеддона не будет!» вообще никак не записался. Зато при расшифровке «самописца» перед комиссией всплыли яркие эпизоды моей военной службы и личной жизни, а также, самое неприятное, некоторые подробности совмещения личной жизни и военной службы. На трехмерной голограмме они просмотрели мои кутежи во всех уголках Галактики. С неподдельным удивлением узнали, как в ракетно-бомбовых отсеках боевого межпланетного штурмовика можно перевозить такое количество контрабандного пойла и сигарет. Наблюдали, как я чинил свой якобы неисправный звездолёт-разведчик на пляжах Аквагана в самый разгар купального сезона; как я неоднократно докладывал о состоянии дел в зоне патрулирования командиру эскадрильи, находясь в объятиях знойных четырёхгрудых уроженок близлежащих к зоне ответственности колоний Вийрона и ещё многое другое, что даже близко не было смягчающим обстоятельством в моей ситуации.

Да, беда не приходит одна. Дата суда была доведена мне под роспись.

Находясь в камере предварительного «заключения», мысленно я неоднократно возвращался к моменту своей беседы с Богом. Несмотря на катастрофические последствия, я всё равно искренне считал – со мной разговаривал Он. На исконно русский вопрос «Кто виноват?» и не менее злободневный – «Чем же я Тебя так прогневил?» я и сам знал оба ответа, причём,

во втором случае я мог составить на память целый список. Меня убивало другое, зачем так изощрённо было меня наказывать. Все СМИ уже месяц потешались надо моим «подвигом». Хорошо хоть следователи не стали разглашать всех деталей происшествия.

Господи, неужели нельзя было просто подстроить аварию, или, скажем, дать мне героически погибнуть в схватке с космическими пиратами. Хотя вряд ли – всех пиратов я знал по имени-отчеству, а кое-кто из них мне остался должен за последнюю игру. Ну, придумать что-нибудь другое. У Тебя ведь возможности для наказания неограниченные.

Так, ходя по круглой камере, соответственно по кругу, я размышлял о вопиющей ко мне несправедливости со стороны всех, изредка поглядывая на ободряюще подмигивающие мне в круглом оконце под потолком камеры звёзды.

– *Привет!* – раздался виноватый шёпот у меня в голове. – *Ты только не паникуй!*

Где-то я уже это слышал, и эти слова не предвещали ничего хорошего.

– Ты опять здесь?! – процедил я сквозь сжатые зубы. – Решил посмеяться надо мной? Какая, мляха, весёлая шутка! Ну что же веселись Господи.

Мне терять было уже практически нечего, поэтому я избрал язвительно-обидчивый тон. Пусть Ему тоже хоть немножко станет стыдно.

– *Мне тоже не до смеха,* – тяжело вздохнул Он, а после воскликнул – *И вообще, знаешь что, хватит, от греха подалее, называть меня Господом!*

От такого откровения я замер как вкопанный:

– Повтори что ты (обратите внимание уже с маленькой буквы) сказал?! – моему негодованию не было предела. – Что значит «не называть Господом»? Ты что вообще такое? Бес-искуситель? Падший ангел?! Демон?!

– *Типун тебе на язык!* – опасно выпалил ангел, но после короткой паузы проникновенно прошептал. – *Я не то, не другое и тем более не третье. Я невидим, но всегда рядом, я тот чьё незримое присутствие ты всегда ощущаешь, я твой...*

– Во-от! – заорал я, перебив невидимого собеседника на полуслове. – Вот так ты и тогда мне голову морочил!

От возбуждения меня потянуло пройтись из угла в угол, но из-за планировки камеры получилось опять только по кругу.

– *Я всего-навсего пытался представиться подобающим образом!*

– Я же назвал тебя Богом, – выдавил я, сдерживаясь, чтобы не перейти опять на крик. – Что же ты молчал тогда?!

– *Не было времени разубеждать, выяснять, кто есть кто на самом деле,* – прошептал голос в голове. – *Да и приятно когда кто-то тебя Верховным величает.*

– ТАК КТО ТЫ НА САМОМ ДЕЛЕ? – произнёс я, чеканя слова.

Мой невидимый собеседник, еле слышно пробурчал «кто, кто, дед Пихто», а уже громким поставленным шёпотом заговорил, опять повторяя неоднократно слышанное мной:

– *Я невидим, но всегда рядом, я тот чьё незримое присутствие ты всегда ощущаешь, я твоё всевидящее око. Как только нас не называют: и шестым чувством, и третьим глазом, и пятой ног... э-э нет, это не про нас, ещё интуицией, предчувствием, инстинктом самосохранения, но всё же, самое верное и, на мой взгляд, наиболее красивое название – Хранитель. Разреши представиться, твой личный Ангел Хранитель.*

Вот те раз! От таких новостей я перестал нарезать круги и опустился на кровать. Это просто невероятно – мой Ангел Хранитель, мой, так называемый «инстинкт самосохранения», неделю назад пытался покончить со мной, коварно подговорив врезаться в безобидную комету. Я видно действительно неслабо прогневил тебя Господи.

Всё-таки у меня были смутные подозрения на счёт этого «ангела». Что-то тут нечисто!

– А скажи мне товарищ ангел-хранитель почему раньше я тебя не слышал? – прищурил я глаза, оглядываясь по сторонам.

– *Что значит, не слышал?* – оскорбился мой незримый собеседник, надо же. – *Ты просто не осознавал этого!*

– Ну-ка, приведи хоть один пример, – с сомнением покачал я головой.

– *Да пожалуйста! Хоть два!* – хвастливо зашептал он. – *Вспомни, как ты удирал с Логверии, когда внезапно вернулись мужья одной знатной особы. На их личном космодроме стояло несколько десятков шикарных космобилей и звездоциклов. Из всех их, ты выбрал единственный заправленный и готовый к вылету аппарат. Поэтому они не смогли тебя кастрировать на «месте преступления», как планировали, и не организовали своевременную погоню. Как ты думаешь, кто тебя ненавязчиво надоумил взять именно тот космобиль?*

– Было такое дело! Не сойти мне с орбиты! – захохотал я, припомнив этот жуткий эпизод моих походов, о котором по прошествии времени не мог вспоминать без смеха. – Скажешь тоже, мужья! Её двухголовый супруг, неотёсанный детина, бедную малышку чуть не под замком держал. Эх, – мечтательно закатил я глаза, – две прелестные головки на одном стройном теле, – вспомнил я ненасытную двухголовую мулатку логвериианского происхождения, – она сводила меня с ума своими острыми змеиными язычками. Жаль, с тех пор туда мне путь заказан.

– *А помнишь, как во время тренировочного гиперпрыжка на флотской стажировке, ты пытался соблазнить своего инструктора?* – вновь окунулся в воспоминания ангел. – Вот смеху-то было! *Как её звали? Она ещё...*

– Стоп! – остановил я его трёп. – А тут ты каким боком? И вообще что-то мы не о том начали.

– *Приятно вспомнить былое.*

– Допустим, я поверю, что ты мой сомнительный телохранитель, – я специально не стал его величать «ангелом», чтобы не делать ему приятно. – Но почему все двадцать шесть лет я тебя не «слышал», а в тот роковой день услышал, и, что самое скверное послушал?

– *Вообще-то мы не выходим на открытый контакт с вами, так заложено свыше, – как ни в чём не бывало, начал «ангел» мой ликбез. – Мы действуем на уровне вашего подсознания, ненавязчиво подсказывая и предупреждая о возможных последствиях тех или иных действий и, в силу своих возможностей, о подстерегающих опасностях. Но, после того как ты получил чувствительный удар током, когда чуть Богу душу не отдал, то именно тогда в тебе то ли что-то переключилось, то ли «чакры» не те открылись, я никак не мог вновь войти с тобой в контакт, прочитать твои мысли, что-то подсказать. Но как видишь, слава Верховному, открылся звуковой канал общения. С той поры мы слышим друг друга и это замечательно! Правда я молчал до последнего, чтобы не травмировать твою психику преждевременно. Зато теперь, объединив наши возможности, мы с тобой прогремим на всю Галактику!*

– Ага, уже прогремели, – помрачнел я, вспомнив, где нахожусь и почему. – Кстати, ты имеешь в виду тот удар током, когда я менял реле-регулятор протоплазменного модуля в разгонном блоке перед вылетом танкера с Крантъона?

– *Да! Именно его!* – оживился Ангел – *Здорово тогда тебя потрясло! Я, грешным делом, подумал, что отлетелся.*

– И где же ты тогда был, хранитель, твою душу? Не подсказал ничего. Не «нашептал».

– *Я, честно сказать, в технике не ахти как разбираюсь, да и фатального предчувствия у меня не было,* – поспешно произнёс тот. – *Ну и в конце концов живой же!*

– Слушай, а зачем ты выдумал эту чушь с кометой? – устало бросил я, ложась на кровать – У тебя ко мне личные счёты или приказ свыше?

– *Опять же ни то и ни другое,* – послышался шепоток в ответ. – *Просто это был наш шанс вернуть нам добрые имена. С твоего самого рождения у нас с тобой как-то всё не зала-*

дилось. То одно, то другое. В основном из-за твоей бурной деятельности. Если бы ты меня больше «слушал», такого бы не случилось.

– Ты имеешь в виду, если бы я тебя больше слушал, я бы загнулся ещё в детстве?! – иронично усмехнулся я.

– *Ой, только не надо сарказма*, – оскорбленно прошептал ангел. – *Если бы ты меня чаще слушался, сейчас стоял бы на мостике восьмипалубного космоавианосца «Адмирал Нахимов», а не в камере предварительного заключения чалился.*

Этот невидимый собеседник меня вновь разозлил.

– Кольца Сатурна! Так по чьей же вине, скажите пожалуйста, я здесь? – раздражённо засопел я. – Или это не ты меня заставил уничтожить годовой запас цефрония для административно-политического центра Конфедерации?!

– *Не злись, не злись*, – виновато произнёс шептун. – *Тут я немного не угадал – ошибся в расчётах – моя вина, согласен.*

– Мне от этого нисколько не легче, – мрачно проговорил я, повернувшись на бок. – Если с физматиметрией нелады нечего было лезть ко мне.

– *Я же хотел как лучше*, – вздохнул ангел. – *А представь, если бы всё получилось? Ты бы стал легендой, а твоё имя увековечили в Зале Героев Галактики. Ну ладно тебе...*

– Благими намерениями усыпана, сам знаешь что, – поучительно произнёс я, успокаиваясь, этот хранитель умел надавить на жалость. – В следующий раз сначала советуйся со мной, если он будет, этот следующий раз.

– *Будет! Обязательно будет!* – бодро выпалил ангел. – *Из-за меня ты здесь, я тебя отсюда и вытащу! Давай только сразу обговорим, что на суде говорить будешь. От адвоката сразу отказывайся, как чёрт от ладана, ибо к тем, кто самозащиту выбирает, относятся снисходительней.*

Кажется, этот ангел знает, о чём говорит. Так, так, так! Послушаем его план действий.

В течение оставшихся до суда дней мы с ангелом вспоминали мои, точнее, наши похождения, а перед отбоем прорабатывали тактику поведения в суде. Обширные познания моего невидимого соучастника в судопроизводстве настораживали. Складывалось впечатление, что он сам не раз был участником судебных прений, и, судя по уловкам, далеко не в качестве прокурора. Но за неимением других советчиков я слушал его. Первую радостную новость, которую он мне сообщил, это о моратории на смертную казнь, который, оказывается, был введён несколько столетий назад. Я, ей богу, этого не знал. Однако он тут же меня огорошил. По совокупности всех преступлений, включая полученные из моего «чёрного ящика» мне светило либо полное форматирование мозга, либо глубокая корректировка психики с частичной стерилизацией памяти – на выбор, по моему усмотрению. С обязательным условием моего чистосердечного раскаяния во всех грехах. После чего то имбицилоподобное животное, что останется от моей утончённой личности, будет отправлено на пожизненные исправительные работы в какое-нибудь опасное производство. Подобного рода альтернативы меня, как, впрочем, и его, совсем не прельщали. Поэтому основной линией поведения нашей защитной тактики был отказ от любых форм раскаяния и признания за собой вины по любому из пунктов. В таком случае меня должны были выслать на ПМЖ за пределы Имперских границ, без права возвращения. А этот вариант меня больше устраивал. С моими специфическими связями и навыками я мог себе позволить исчезнуть навсегда в бескрайних просторах Вселенной, чтобы в один прекрасный день, незнакомый никому человек с моими повадками, оказался бы в объятиях моих многочисленных подруг. Что же, лучшая оборона – нападение.

– *Главное, веди себя с ними понаглее*, – напутствовал ангел, перед моим убытием на суд. Уж я постараюсь.

– Встать, суд идёт! – металлическим голосом произнёс робот-секретарь и я, воплощение невинности и покорности, повиновался.

Вошедший мужчина средних лет, в длинной, под старину, мантии, поздоровался кивком головы и, положив материалы моего дела на стол, присел, после чего, вторым кивком головы разрешил сесть и нам. Нам, это мне и тощему как пустой скафандр прокурору в стилизованной под старину синей униформе, в нетерпении нервно грызшего ногти. Больше в огромном зале судебных заседаний никого не было, если не считать нескольких миллиардов зрителей, следивших через натканные по углам камеры за «процессом десятилетия» в прямом эфире.

И прокурора и судью я видел в первый и, скорее всего, в последний раз.

– Подсудимый, встаньте! – наигранно нахмурившись, произнёс судья. Открыв моё дело, он зачитал: – Глеб Ильич Ковалёв две тысячи девятьсот восемьдесят седьмого года рождения, раса человеческая, холост, уроженец Земли, ранее не судим, от адвоката отказался.

– Да, всё сходится! – сказал я, и это было моё последнее «да» на сегодня.

– Вы обвиняетесь по следующим статьям...

Судья стал зачитывать совершённые мной «подвиги» через призму Уголовного Кодекса. По окончании прочтения оных судья как-то странно посмотрел на меня. В его взгляде читалась и сожаление, и удивление, и негодование и кажется немного зависти.

Ба-а! Я только сейчас догадался, что судьи для беспристрастности получали дело на руки непосредственно перед процессом.

– Что вы на это скажете? – растерянно спросил он, обращаясь то ли ко мне, то ли к прокурору.

– По какому именно эпизоду? – я попытался уточнить вопрос.

– Ваша честь! – нервно вздрагивая плечами, привстал тощий прокурор. – Разрешите мне опросить подсудимого?

– Да, пожалуйста! – соизволил судья, и тощий набросился на меня.

– Подсудимый, – ткнул в мою сторону прокурор своим длинным указательным пальцем с обгрызленным ногтем. – Что подвигло Вас уничтожить доверенный вам стратегический груз, без какой-либо веской на то причины? На следствии вы утверждали, что исполняли волю Всевышн...

– Всего-навсего забавлялся, – поспешил перебить я государственного обвинителя, пока зрители, несмотря на результаты психиатрической экспертизы, не посчитали меня за идиота. Такой славы себе я не желал. – Я вводил следствие в заблуждение.

Мои внезапные откровения застали их врасплох. Судья и прокурор в недоумении переглянулись, а я прямо-таки почувствовал, как вокруг трёхмерных теликов замерла практически вся Галактика.

– А сейчас, перед лицом правосудия, – осторожно поинтересовался уже судья, – вы можете открыть нам истинные мотивы своих... э-эм, действий?

– Могу! – смело выдохнул я, отчего прокурора слегка передёрнуло. – В знак протеста!

Я просто кожей ощущал, как недоумённо зароптали у экранов миллиарды.

– Поясните! – попросил судья ну и тут я «запел».

– Свой поступок я совершил во имя справедливости! – «возмущенно» воскликнул я. – Чтобы обратить внимание на угнетённые слои общества, на расовую дискриминацию в Галактике, на проблему малых планетных систем, на низкую зарплату бюджетников, на коррупцию в рядах организованной преступности, на высокие налоги, постоянные звёздные войны...

– *Красиво сказал!* – одобрил мою защитную речь ангел.

В общем, я говорил про всё, что помнил из учебников по древней истории Вселенной. Во время моего выступления судья нагнулся к прокурору и уточнил насчёт результатов моей психиатрической медэкспертизы. Узнав, что я вменяем, он ударил маленьким молоточком по столу, заставив меня остановиться.

– Позвольте, позвольте, – еле сдерживаясь от нахлынувших чувств, озабоченно пробормотал судья. – Но у нас уже несколько столетий нет бедных, все космические расы живут в мире и согласии, без войн и бедствий, редкие вылазки экстремистов гасятся на этапе зарождения конфликтов, налоги платят лишь трансгалактические корпорации, минимальный чиновничий аппарат, прозрачные выборы, жёсткая система мониторинга.

– А преступник за последнюю пятилетку ты первый! – вставил слово бледный от негодования прокурор, как будто его кто-то спрашивал.

Но я не сдавался.

– Вот, вот, уважаемые господа! Это видимое благополучие и губительно для Империи, – перевёл я «стрелки» в противоположную сторону. Главное, «понаглее», как говорил ангел. – У существ пропадает стимул ударно работать, уравниловка ни к чему хорошему не приводила, появились нахлебнические настроения в обществе, огромные средства уходят на содержание Военно-Космического Флота в нашей сугубо мирной Галактике. Сейчас вы скажете, что он является гарантом мира и стабильности, а я отвечу – мир на термоядерных штыках не построишь. В конце концов, всё это приведёт к упадку государства...

– *Эй, эй, не до такой же степени*, – прозвучало ангельское остережение у меня в голове. – *Ты политики лучше не касайся, а то они быстро мораторий на казнь отменяют. Главное, не раскаивайся, и всё.*

Слова ангела-хранителя меня немного охладил. Я замолчал, недоговорив.

Судья вновь переглянулся с прокурором и безнадежно махнул рукой.

– Ну, вы хоть раскаиваетесь-то в содеянном? – еле слышно спросил он.

– Никогда! – громко ответил я, чтобы все слышали, что я не даю согласия на стирание моей личности, изнасилования дорогого мне «Эго». А раз так, пусть высылают за пределы имперского кордона. Там разберёмся.

– В таком случае, – с плохоскрываемым злорадством осклабился судья. – Я с сожалением констатирую факт, что вы никогда не встанете на путь исправления, – и громко, чтобы тоже все зрители услышали, произнёс: – Несмотря на то, что вам грозило в худшем случае небольшая гипнопсихокоррекция без оперативного вмешательства и десять-пятнадцать лет исправительных работ в колонии-поселении строгого режима, признай вы свою вину, плюс ваше искреннее раскаяние, – это он специально смаковал, намекая на то, что я потерял, – но своим категорическим отказом вы действительно подписали себе приговор.

Прокурор расплылся в мерзкой улыбке, а мне почему-то стало жутковато.

– В качестве исключения суд не будет удаляться в совещательную комнату, а огласит приговор сразу, – «обрадовал» меня судья.

– Время терять на него, – вякнул прокурор, вот же подвывало.

– Итак, приговор! – сказал судья, и мы все стали. – По всем статьям Уголовного Кодекса, которые вам инкриминировались, вы признаётесь виновным. Учитывая ваши сомнительные связи, а также умение управлять всеми видами космических аппаратов, суд счёл нецелесообразным высылать вас за пределы Империи. Но, так как вы являетесь особо опасным субъектом для общества, государства и галактик, суд приговаривает вас к высшей мере наказания...

– Я протестую Ваша честь! – крикнул я в отчаянии. – У нас же мораторий!

– Молчите! Я ещё не дочитал! – язвительно ухмыляясь, поморщился судья. – Итак! К высшей мере, на которую, к сожалению, действительно наложен мораторий, и которая заменяется хронодепортацией. Приговор обжалованию не подлежит, и будет приведён в исполнение немедленно. Вам всё понятно?

– Угу! – подавленно ответил я и сел в кресло.

Несколько сотен зрительниц после прочтения приговора наверняка упали в обморок, так оно по крайней мере должно было произойти, а их «коронованные» мужья, скорее всего открыли игристое альдебараули. Остальные же зрители наверняка так и не поняли всей сути

процесса. Но мне уже было всё равно. Ещё курсантом Военно-Космической Академии Звездолётчиков я слышал об секретных экспериментальных Хронопортах – изобретениях, которые, по слухам, могли производить заброску десантников не только в тыл вероятного противника, но и в Прошлое, для проведения превентивных ударов по врагу. Теперь мне выпала «честь» на себе проверить, насколько правдивы эти слухи.

После оглашения приговора охрана меня вывела из зала суда и повела по коридору до лифта. Судья и прокурор последовали за нами, воочию убедиться в моей смерти. То, что это явная погибель ни они, ни я не сомневались. Даже если во время переброски меня не размажет по эпохам, то прошлое, со своими дикими нравами не оставит мне ни единого шанса. Мы это прекрасно понимали.

Но, тем не менее.

Спустившись на лифте чуть ли не к центру Земли, мы вновь прошли по коридору и, пройдя многочисленные кодовые двери, оказались в хронопортационной лаборатории.

Хронопорт представлял собой серебристую сферу с множеством подключённых к ней трубок, шлейфов и проводов, шедших от пульта, расположенного у стены лаборатории. То, что предстояло хронопортировать, помещалось внутрь сферы через небольшой люк. Судя по размерам, таких как я там могло поместиться человек десять, если не больше. Но из «добровольцев» сегодня я был один.

Сотрудники лаборатории сделали мне несколько инъекций, как они сказали, обезболивающего, и мне стало ещё страшней. Потом они же помогли мне переодеться в специальный обтягивающий скафандр, похожий на водолазный костюм, по ходу дела, поясняя, что он необходим для сохранения в целостности его содержимого во время хронопортации. Затем водрузили мне на голову блестящий шлем, сделанный из того же материала, что и скафандр, и включили свой аппарат.

Посоветовавшись с учёными, судья подошёл ко мне, стоявшему в окружении охранников.

– Чтобы от тебя было меньше вреда, они забросят тебя в самое начало нашей цивилизации – в Тёмные века, – сообщил он очередную «радостную» новость. – Там, таким варварам как ты самое место.

– За свои слова и преступления надо отвечать, – подсыпал соль на мои морально-психологические раны противный прокурор. – А то, смотрите, какой демагог нашёлся. И остальным уроком послужит твоя казнь.

– У нас всё готово, – доложил седой старик в белом халате, и, посмотрев на меня, покачал головой. – Эх, как же тебя так угораздило, юродивый.

И не говори отец, в самое яблочко. Слово, по всей видимости, анахронизм, которым он меня назвал, я слышал впервые, но смысл его в общих чертах кажись уловил.

– Ну-с, будем прощаться – хлопнул в ладоши судья. – Глеб Ильич ваше последнее желание.

Подумав, я попросил помолиться. Судья, язвительно ухмыляясь, разрешил, а учёные и охрана от этой сцены чуть не разревелись.

Я встал на колени и впервые в жизни зашептал молитву, точнее нечто, как я думал, похожее на неё:

– Господи! Если ты меня слышишь, одна просьба – тресни, пожалуйста, этому ангелу-хранителю хорошенько. Зачем вообще его приставили ко мне?! А если и ты меня слышишь мой «инстинкт самосохранения», то я тебе хочу сказать большое спасибо за всё, что ты для меня сделал, и желаю всеми фибрами своей многострадальной души, впредь тебя больше не видеть, то есть не слышать. Спасибо что выслушал! Аминь!

Ангел промолчал, словно его здесь и не было, а может, просто ему было стыдно. Я встал с колен и направился к Телепорту.

– Ещё один вопрос? – развернулся я к судьбе. – Скажите, как вас зовут?

– А зачем тебе? – удивлённо вскинул тот брови.

– Знать, кому обязан.

– Радий Изотопович Стронцев, – выпятив нижнюю губу, ответил судья.

– Я так и думал – мутант, – сказал я, и кряхтя залез в зловеще гудевший Хронопорт.

Я уже не видел, как после моих слов прыснули в кулаки охранники, деликатно отвернулись учёные, а прокурор, на вопросительный взгляд судьи недоуменно пожимал плечами.

Включился Хронопорт и мне в глаза ударил яркий свет. Я почувствовал, как моё тело разрывает на мельчайшие частицы, и от нестерпимой боли потерял сознание.

Здесь для меня всё кончилось.

ЭПИЗОД II. СМУТНАЯ НАДЕЖДА

Мамочки! Как больно!! Какие там, к чёрту, обезболивающие!!!

Моё, в буквальном смысле, возвращение к жизни проходило очень тяжело. Сначала была одна острая боль, пронзающая сознание и подсознание наискосок. Затем эта боль на порядок усилилась – это возвращались мои чувства. Я почувствовал, как к той, первой боли, прибавилось боль в ногах, затем в руках, после чего она расплылась по всему телу, сосредоточившись, наконец, в моей черепной коробке. Ещё ничего не видя и не слыша, я почувствовал удары своего сердца. Каждый его удар отдавался в мозгу страшным грохотом, поэтому не почувствовать его было, сами понимаете, довольно проблематично.

С большим, просто невероятным трудом, моему шокированному мозгу вернулась возможность мыслить, пока на уровне одноклеточных, но уже что-то. Первое, о чём я подумал, это, конечно же, о боли. Если тело, голова, внутренние органы и всё остальное болят, значит, они есть, они на месте и... отходят после такого запредельного стресса.

Да, аппарат им ещё дорабатывать и дорабатывать!

Не знаю, сколько прошло времени, но мало-помалу боль стала стихать, позволяя моей мозговой деятельности думать о более сложных вещах. Пока ещё слепой и глухой, от нечего делать, я начал сравнивать настоящее пробуждение с былыми отходняками, пытаюсь припомнить, когда прежде мне бывало так нехорошо. По всем параметрам выходило, что нынешнее состояние превосходило все их своей тяжелопротекающей болезненностью – даже после термоядерной зубралианской текилы, изготавливаемой из бродячих кактусов-убийц, у меня не было такого «похмельного синдрома». Но, несмотря ни на что, в отличие от тех горячих дней, сейчас мне как раз таки очень хотелось жить, и я надеялся, что моё драгоценное здоровье, подорванное хронодепортацией, справится с недугом и организм, как и прежде, продолжит функционировать без сбоев.

Как будто в подтверждение моим чаяниям я почувствовал горечь во рту. Пусть неприятно, но это означало, что включились вкусовые рецепторы. На очереди обоняние, слух и зрение. Вскоре я учуял запах горячего полимера, и услышал слабый накатывающий волнами шум.

Так шумел Господин Великий Космос во всех наушниках когда либо имевшихся у меня шлемофонов!

Моё чуткое сердечко затрепетало от волнения. Неужели меня помиловали и транспортируют в какую-нибудь забытую богом (и особенно его ангелами!) колонию на задворках Империи, а фокус с Хронопортом был разыгран, чтобы напугать меня и тех, кто смотрел за процессом по всей империи. Глупцы, они думали я куплюсь на такой дешёвый трюк! Я ведь до последнего момента не верил в возможность реальной транспортировки во времени. Это из области псевдонаучной фантастики. Хотя слухи всё-таки ходили, но это ведь слухи. Ура! Ура! Ура!

Я успокоился. В ожидании возвращения зрения я стал думать о своём будущем. Год-два перекантуюсь за последним рубежом, поменяю внешность, если понадобится и отдельные части тела, и по поддельным биометрическим данным вернусь в ареал своего обитания, к своим

друзьям-собутыльникам и смазливый самкам. Короче говоря, жить будем. Трепещи Вселенная!

Разноцветные вспышки возвестили о начале восстановления зрения. Мерцавшие перед глазами точки, медленно но верно превращались в расплывчатые круги, которые двигались всё тише, из разноцветных становясь однотонными: красными, затем оранжевыми, жёлтыми и, согласно светового спектра, зелёными. На этом «цветопредставление» закончилась и началась «фокусировка» зрительных каналов.

Когда зрение полностью стабилизировалось, я, наконец, увидел источник долгожданного шума. Надо мной шумели густые зелёные кроны больших неизвестных мне деревьев. Сквозь их листву едва проглядывало чистое голубое небо, а где-то за ним жил своей суетливой жизнью дорогой моему сердцу космос.

От осознания всей трагедии происшедшего я застонал. Все мои планы на *будущее*, во всех смыслах этого слова, рухнули. У них получилось-таки от меня избавиться.

Я пролежал ещё некоторое время, размазывая мысленные сопли по надломленной душе. Но, горюй не горюй, надо жить дальше, а для начала следовало бы и осмотреться. Лёжа на спине, я попробовал пошевелить пальцами, руками и ногами – получилось. Повернул голову влево – толстые стволы деревьев, вправо – кусты, за которыми тоже одни деревья. Если я не ошибаюсь, этот биомассив называется лесом. В школе на уроках биокосмологии нас водили на внеклассных занятиях в аква, дендра, зоо и тому подобные ариумы, представлявшие собой большие, по площади в несколько гектар естественные среды обитания земной флоры и фауны, где знакомили с тем как жили земляне до ядерных войн и колонизации других планет. Благодаря тому, что я изредка присутствовал на факультативах, вид такого большого количества земной зелени меня практически не шокировал. Ну, если только самую малость.

Поднявшись на ноги, я сделал несколько пробных шагов и с радостью отметил, что опорно-двигательная система, как и мозговая деятельность, не нарушена. Можно проверить окрестности. Сделав ещё пару шагов, я услышал за спиной хруст ветки, и затем глухой стук. Как я мгновенно догадался – били по мне. Шлем, любезно предоставленный мне в лаборатории, смягчил удар тяжелым тупым предметом по затылку, и я всего лишь упал на четвереньки и тряхнул головой.

– Глянь, какой окаяшка!? – раздался удивлённый хриплый голос и вновь мне чувствительно ударили по шлему.

От второго удара я распластался по земле, в голове зашумело. Опять вспомнился фон в наушниках, такой далёкий и мирный Космос. Несмотря на слабость и тошноту, я попробовал подняться, но третий удар, от которого шлем не выдержал и раскололся, окончательно отбил всё желание к сопротивлению, вторично за сегодняшний день, погрузив моё сознание в вязкую мглу забвения.

Неужели меня и здесь знали.

– Фома, поди, глянь, очухался, али нет?

– Опося твоей дубины дед, вряд ли он скоро отойдёт.

– Иди, глянь, говорю, можа ожил уже?

Раздались шаги, в дверном проёме странного помещения, в котором я оказался, возникла тень, и надо мной склонился длинноволосый паренёк в каком-то немыслимом тряпье.

– Вроде бы тарачит зенки, – сказал пацан, и поводил у меня перед глазами рукой – Кажись в себя возвернулся.

Я промолчал, решив понаблюдать как будут развиваться события. Успев перед этим «контактом» с аборигенами, немного осмотреться, я обнаружил себя лежащим на, мне даже трудно сказать, похожей на кушетку лежанке с длинноворсной махровой простыней животного

происхождения. Помещение, в которое меня приволокли, было сделано сплошь из деревянного материала, как и все предметы внутри его: стол, примитивные стулья без спинок, тарелки, ложки, ящики какие-то, в общем, всё деревянное.

Услышав о моём «возвращении», в помещение ввалился грузный бородатый старик с густыми сросшимися на переносице бровями. Подойдя к кушетке, он присел рядом со мной, отчего лежанка под его весом закрипела и, опёршись на руку, участливо спросил:

– Как головушка, не болит?

Расценив мой кивок за положительный ответ, продолжил:

– Я тя насилу из колдовских чар вытащил. Поначалу вообще подумали, грешным делом, что на нечисть нарвались, а как яйцо окаянное с головы твоей сбили, глядим живой человек. Кой-как с тебя ту шкуру чёртову срезали. Растудыть её!

– Спасибо, конечно, – чуть слышно ответил я, узнав почему меня так отделали. Оказывается, они просто обознались, приняв меня в скафандре за кого-то другого. – Но это был скафандр.

– Чегось?! Не уразумел я? – переспросил бородач.

– Экипировка такая, говорю, – пояснил я по простому.

– Чаво?!

– Комбинезон.

– Ась?!

– Одежда особенная, говорю, – куда ещё проще то.

– Вот дед, я же говаривал, что он на этого... на лыцаря похожь, а ты «нечисть», «ока-яшка», – ввязался в нашу «светскую беседу» паренёк. – Чуть человека своей дубиной не уграндобил.

– Погодь, Фома, триндеть, – остановил его дед и обратился ко мне. – Сам чых краёв будешь? Здесь как, волею или неволею, или своею охотою? Дело пытаешь или от дела лытаешь?

– Я землянин, – ответил я, поняв в общих чертах, о чём он спрашивал.

– Дак и мы здесь не лунатики, – резонно заметил дедуля. – Ты точнее говори.

Ах точнее вам надо, ну вот вам точнее.

– лейтенант Ковалёв, боевой звездолётчик седьмой эскадрильи Третьего Военно-Космического Флота Межпланетной Конфедерации, позывной «Коваль-75» (если кто не в курсе, сразу поясню, позывные у нас дают по фамилиям, не знаю в чём «прикол», но так заведено), откомандирован в данный сектор для проведения рекогносцировочных мероприятий. Доклад закончил!

Да, я сказал не совсем правду, да это не совсем красиво, но мне кажется им необязательно знать, что меня давно уволили из армии по отрицательным мотивам, и, тем более, почему я на самом деле здесь оказался. И нет ничего зазорного в том, чтобы для должного эффекта слегка приукрасить свою позорную ссылку.

Эффект я, конечно, произвёл неизгладимый.

– Батюшки! Дед, да он кажись слегка того, – озадаченно протянул мальчуган – Никак головой нарушился?!

– Похоже на то, – старик в раздумье пригладил бороду.

– Вы что, психиатры?! У меня не имеется ни психологических, ни умственных расстройств – запротестовал я, против их оскорбительного предположения. – Судебно-медицинская экспертиза патологий не выявила, показала мою полную вменяемость по всем параметрам. Я здоров как воргелианский скалогрыз.

– Э-э, худо дело, – не обращая внимания на мои протесты, сказал старик – Коли так, отвезём его покуда к нам в деревню. Травами попоим, отварами, можа отойдёт. Вспомнит кто он, да откуда. Ишь как его...

– И то дело, – кивнул парнишка – Негоже юродивого в лесу бросать.

– Фома глянь там что-нибудь из одежи – показал на один из деревянных ящиков старик
– Срамоту его прикрыть.

Парнишка порылся в ящике, вытащил из него несколько тряпок и протянул мне:

– На, примерь!

Я сел на древесную кушетку и взяв тряпье, вопросительно посмотрел на старика:

– Что это?

– Армячишко, да портки – усмехнулся тот дружелюбно. – Али не носил такие прежде, лыцарь? Фома помоги ему облачиться.

Дед вышел из помещения, а парнишка помог мне одеться. Теперь я почти ничем не отличался от местных, оставалось только отрастить волосы. Моя ультракороткая стрижка смотрелась несколько необычно на фоне их нечёсанных косм.

Оценив мой новый прикид, паренёк одобрительно цокнул языком и вывел меня наружу. Мы оказались на небольшой поляне, окруженной лесом. Перед зданием, из которого мы вышли, стояла колёсная повозка, тоже деревянная, соединённая с лошастью длинными деревянными перемычками, возле которых возился дед.

– О, добре! Теперича на человека стал похож, – сказал старик, наваливая на повозку несколько охапок срезанной травы. Меня покорило от вида уничтоженной флоры и это не ускользнуло от его глаз.

– Ты что так на сено уставился, – по-своему понял он мой страдальческий взгляд – Не видел никогда? Не боись, она уже не цапнет.

– Я не боюсь – ответил я – Нам гербарии на занятиях по Истории флоры и фауны показывали. Наша земная флора не кусается.

– Чудной ты! – усмехнулся дед в бороду. – Ну да ладно, выходим мы тя, – и, обращаясь уже к нам обоим, крикнул: – Сигайте в телегу.

«Сигануть» у меня не получилось. Ещё слабый от всех потрясений я с помощью Фомы кое-как взобрался на деревянную повозку и с содроганием сел на мёртвую траву, которую старик назвал сеном. Дед сел на край повозки со стороны лошади и взяв в руки длинный фал, тянувшийся от лошадиной морды, огрел последнюю концом фала по задней части туловища. Лошадь пошла и потянула за собой повозку. Мы поехали в деревню.

Трясаясь на повозке, я размышлял о своём первом знакомстве с аборигенами. То что меня не убили на месте, уже было хорошо, правда их способы вхождения в контакт меня, честно сказать, встревожили. Что говорить о людях, рубящих деревья, режущих траву и стегающих животных – для таких, в самом деле, человека прибить проще простого. Хотя, может быть, я смотрю с высоты своей цивилизации, а здесь в Тёмных веках так принято. Как говорил мичман Галактионов «со своим боевым уставом (который он сам, кстати, частенько нарушал), не стоит соваться в чужой род войск». И чтобы выжить, мне придётся многому учиться здесь заново.

Мои размышления прервал окрик старика свернувшего с дороги на обочину:

– Гэть с телеги, дружинники скачут, – старик проворно слез с повозки и сняв головной убор повернулся в сторону проезжавших мимо верхом на конях нескольких мужчин в кофтах и остроконечных касках из металлического материала, с большими длинными ножами на поясах.

Фома последовал примеру деда, я же остался сидеть на повозке. Тот, кто проезжал первым, посмотрев на меня, развернул свою лошадь и подъехал к повозке. Остальные всадники рассредоточились вокруг нас.

– Ты что, смерд плешивый, живота лишиться захотел?! – обратился ко мне всадник – здоровый и страшный как илгинский бубр мужичара, и, не дожидаясь ответа, ударил меня по плечу кожаным ремешком, привязанным к палке, которую он держал в руках. Закусив губу, я взвыл от боли. Хотелось, конечно, его обматерить, но я прекрасно понимал, что на этом мой жизненный путь и прервётся, оттого смолчал.

– Он юродивый, – подал голос Фома.

Дед его испуганно дёрнул за рукав, чтоб молчал.

– Юродивый говоришь? – скептически осмотрел меня всадник – Не больно похожь.

– Я ещё раз повторю! Я не психопат, не дебил, не шизофреник, – поспешил откrestиться я от ярлыка, навешиваемого мне аборигенами, пытаюсь объяснить, что меня с кем-то путают – Я офицер, звездолётчик. Согласно дополненной конвенции Организации Объединённых Рас, «Права и свободы резидентов и нерезидентов», я имею право на уважительное отношение к себе и своему достоинству в любой точке Вселенной, несмотря на внешнеполитические отношения между конфедерациями, расами и нациями.

Видимо моя гневная речь произвела впечатление и на этих дружинников.

– И впрямь такой разедакий, – только и сказал всадник, и, сплюнув на землю, хлестнул коня.

Не извинившись за рукоприкладство, всадники умчались по своим делам. Старик суетливо вскарабкался на повозку, подождал, когда Фома займёт место рядом со мной и, прикрикивая на лошадь, погнал повозку дальше.

Потирая горевшее плечо, я поинтересовался у Фомы, что это были за люди.

– Это воевода Мстислав со своими дружинниками, – ответил парнишка. – Правая рука нашего князя Святополка. Злой воевода, как собака бешеная. Тебе лучше к нему больше не попадаться на глаза. Хорошо, однако, что спешит он куда-то, а то нам не сдобровать бы нынче.

– Посмотрим, кому из нас не сдобровать, – сказал я, оглядываясь в ту сторону, куда усаkali всадники. – Я тоже злопамятный и славно мстительный.

Паренёк пронзительно взглянул, словно увидел во мне другого человека и замолчал.

Хороша родина предков, гостеприимна. Ну, ничего, пока будем жить-поживать по возможности тихо-мирно, присматриваться, что да как, а там... война план покажет.

Селение, в которое мы приехали, состояло из двух-трёх десятков собранных из древесных стволов жилищ, похожих на то, в котором я познакомился с Фомой и его дедом Матвеем. Поселился я, соответственно, у них же. Дед, отчасти считая виной моего умственного расстройства и свою узловатую дубину, чувствовал за собой вину передо мной. Фома тоже считал его виновным в моём ненормальном на их взгляд поведении. Я больше особо и не пытался их переубедить, они же в свою очередь не напоминали мне о нашей первой встрече, и не лезли с вопросами. Соседям и знакомым, а это был весь личный состав деревни, мои опекуны представили меня Ковальком-юродивым.

Так я начал изучать быт местного населения.

Первое, что мне бросилось в глаза, это изобилие предметов обихода сделанных из древесного материала. Постепенно узнавая названия и предназначение предметов, я удивлялся, как много можно произвести из дерева, и как мало людям надо для спокойной размеренной жизни.

Мальшей местные укачивали в деревянной колыбели, успокаивали деревянными погремушками. Дети постарше забавлялись деревянными игрушками: лошадками, птичками, свистульками, сражались деревянными мечами. Женщины причёсывались деревянными гребешками, при свете тонкой древесной лучины пели тихие песни под скрип деревянной прялки или жужжанье деревянного веретена. Музыкальные инструменты, удилища для ловли рыб, сохи, бороны, корзины, шкатулки и ларцы, телеги, дровни, кадушки, чаны, всё это и многое другое делалось из дерева. Даже гвозди здесь делались из дерева.

Свою обувь – лапти, мужики плели из лыка липы или берёзы. Лыко драли на мочало, на рогожи, на кули да на верёвки. Лыком же или щепой крыли бревенчатые срубы – избы, окружая их плетнём, изгородью из хвороста и прутьев, перевитых меж вбитых в землю кольев. Из бересты или липового подкорья, луба, мастерили лукошки, туеса, коробы, лубяную посуду – хранилища для воды, для мёда, для кваса и для берёзового сока.

Меня уже не коробило от скошенной травы или срубленного дерева. Я знал, это жизненная необходимость для тех людей, которые жили в этих заповедных местах. Траву они выкашивали на больших лесных лужниках, сушили, заготавливая впрок для скота, собирая в большие стога на сеновалах.

Сами жители Дебрянки, так называлась деревенька, произвели на меня очень хорошее впечатление. Статные, русоволосые и голубоглазые они были не только красивы внешне, но и имели красивые души и добрые сердца. Они не хохотали над моими неадекватным поведением, когда я первое время шарахался от скотины, ходил по округе, трогая и рассматривая незнакомые деревья и кусты, подолгу рассматривал ту или иную вещь, размышляя над её предназначением, или задавал, глупые на их взгляд вопросы, вроде такого – как они могут пить необеззараженную воду, беря её прямо из глубоких ям выкопанных в земле, называвшихся колодцами. Жалея меня «юродивого», каждый старался в силу своих возможностей помочь мне, объяснить то или иное явление, ответить на вопрос.

Я в свою очередь, пытался рассказать им о простейших вещах окружающих их, с высоты своих относительно глубоких знаний. Объяснял им, что их грозный Ярила, не что иное как гигантский шар раскаленных газов, с температурой поверхности более шести тысяч семисот тринадцати градусов по Цельсию. Приводил пример, что булавка, раскаленная в кузнице до такой степени способна выжечь всё живое в радиусе ста тридцати четырёх вёрст. Рассказывал им про солнечную систему, что земля вращается вокруг Солнца, а Луна вокруг земли, и некоторые другие факты, которые могли быть им интересны и полезны.

Я ещё особо не лез в галактические «дебри», а они уже от этих моих рассказов жалостливо смотрели на меня и смущенно улыбались. Сам того не желая, я всё больше уверял их в своей странности, или как это здесь называлось – юродивости.

По вечерам, старик Матвей по моей просьбе рассказывал о здешнем житье-бытье. От него я узнал, что их деревня относится к племени древличей, тех, кто обитал в деревьях, в лесах. Недалеко от них располагаются ещё несколько древличевских деревень, а Твердск – городец их князя Святополка, окружённый кремью – частоколом из прочнейших брёвен заветного леса, стоит посреди их земель, в самом сердце незыблемой пуши. Также, он рассказывал о соседях: бреговичах – племени, селения которого стояли не Волхе-реке; волянах – чьи становища находились по другую стороны великой воды в вольных степных просторах; холмыянах – живших у подножия Великого Камня, и про других. Племян было много, но, как я понял из рассказов старика, все они были одних корней, все свой путь начинали от древнего племени славичан, ведшего своё начало от ещё более стародавних венедов. Племена и сейчас жили в основном дружно, но не было у них взаимопонимания и единой власти, каждый князь хотел сам себе хозяином быть. Оттого и среди них бывали разногласия, которые порой выливались в междоусобные столкновения.

Судя по полученной информации здесь военно-политическая обстановка была намного сложнее чем там, во всей Галактике. Но, глядя на сонную размеренную жизнь в деревне, я старался не думать о возможном нарушении спокойствия. Моё нынешнее положение меня вполне устраивало. Питался я экологически чистыми продуктами, припиваючи их парным молоком, с жителями деревеньки у меня сложились тёплые отношения, без нервотрёпок, в первую очередь из-за того, что сам вёл себя смирно, ну, а если бывало, не сдерживался и щипал девок за непотребные места, то мне всё равно всё списывалось на мою странность.

Фома, когда гонял пастись скотину, брал меня с собой, учил ездить на лошади, играть на свирели, рассказывал о здешней флоре и фауне. Он научил меня различать Дуб и Берёзу, Осину и Клён, Сосну и Кедр, какие ягоды на кустарниках можно есть, а какие лучше не пробовать. Показал, как они добывают из коров молоко, а из курей яйца. В общем, мне здесь определённо нравилось. Мои первые впечатления о «Тёмных веках» оказались неверными, это было может быть самое светлое и чистое время для Земли и... моей жизни.

И я мысленно потешался над теми, кто остался на *той* Земле, замурованной в сталь и бетон, с отравленной атмосферой и зараженной гидросферой, над теми, кто жил в её высокотехнологичных норах со всеми немислимыми удобствами, которые видели частичку настоящей Земли в вольерах с табличками на нескольких языках «руками (щупальцами, клешнями и т.д.) не трогать» и одновременно мне было очень жаль, и их и Землю.

А я был здесь почти счастлив.

Правда, иногда выходя ночью по нужде, я, задрвав голову вверх, подолгу смотрел на чёрный небосклон, усеянный такими родными и чужими звёздами. Что ни говори, а Космос есть Космос. Он остался моей первой любовью.

Я как раз собирался вздремнуть, устроившись под берёзкой, пока коровы щипали траву на лужайке – сегодня Ковальку-юродивому впервые выпала честь самостоятельно выгнать деревенское стадо на выпас – да видно не судьба подремать.

– *Привет! Ты только не паникуй!* – раздался до боли знакомый шёпот у меня в голове, поэтому причин для паники или истерики было хоть отбавляй, но я сдержался.

– *Здорово Глебушка!* – поприветствовал ангел. – *Извини, что так вышло.*

Я опять промолчал.

– *Пожалуйста, только не делай вид, что ты меня не слышишь,* – продолжал он вовлекать меня в диалог. – *Я же чувствую, как ты напрягся.*

Я вновь проигнорировал его слова.

– *Глеб Ильич, это, по крайней мере, некрасиво,* – попытался пристыдить меня ангел, переходя на «вы». – *Вас разве не учили, отвечать на приветствие?!*

– *Иди-ка ты знаешь куда?!* – не сдержался я.

Вопрос был чисто риторический, и не столько вопрос, сколько пожелание.

– *Примерно представляю,* – невозмутимо ответил мой собеседник, вновь переходя на «ты» – *Но, вот незадача, мы с тобой связаны незримой нитью, пока кому-то из нас не станет совершенно безразлично...*

– Так отвяжись от меня раз и навсегда, – озвучил я своё пожелание. – Мне совершенно безразлично твоё присутствие.

– *Э-э, я имел в виду нечто иное,* – деликатно заметил ангел. – *Не зависящее от наших желаний.*

– То бишь, пока смерть не разлучит нас?! – догадался я, наконец. – Ну уж фигушки! Не дождётесь.

– *Вот и ладненько, вот и чудненько, что мы опять нашли общий язык,* – радостно прошептал он, и мне даже показалось, по характерному звуку, что хлопнули в ладоши. – *Не будем сердиться друг на друга, забудем старые взаимные обиды.*

Моё «шестое чувство» вызывал у меня сейчас только одно чувство – чувство раздражения. Это же надо: «сердится друг на друга», «взаимные обиды». О чём он вообще?

Я сформулировал свой вопрос вслух.

– *Ну как же,* – пробурчал в ответ ангел – *А кто на меня жаловался?*

– Ты в своём уме?! – вспылил я. – Когда я на тебя жаловался?! И кому?!

– *А кто просил Верховного меня треснуть хорошенько, забыл уже?*

Я с трудом припомнил свою последнюю «молитву» на «той» Земле и усмехнулся:

– *Надеюсь, тебе влетело?!*

– *Не твое человечесьё дело!* – обиженно всхлипнул ангел. – *Переживу какнибудь. А как тебе теперь с этим жить?*

Не прошло и трёх минут, как уже я чувствовал себя виноватым перед этим «болтуном» и, в свою очередь, пытался его успокоить:

– Хватит дуться, – примирительно сказал я, и напомнил ангелу благодаря кому мы здесь оказались.

– *Ты сам тоже хорош*, – отрекся мой горе-хранитель от всех обвинений. – *Разошёлся на суде, ещё в политику ударился. Вообще не по теме. Я тебя предупредил.*

– А не ты ли меня надоумил – «главное понаглее»? – резонно заметил я, поднимаясь с земли. Хорошо, что я был один на поляне, увидь меня кто со стороны, общающегося «с самим собой», ещё бы сильнее удостоверились в моей малохольности. Впрочем, это меня уже мало волновало. – Да если бы не твои «советы», я бы через несколько лет получил «условно-досрочное» за хорошее поведение, а теперь...

Я махнул рукой.

На несколько минут воцарилась тишина, только звон колокольчиков, пасшихся неподалёку бурёнок, изредка нарушал её. Решив, что наше с ангелом выяснение отношений окончено, я пересчитал стадо и опять присел под берёзой.

– *Кто старое помянет, тому глаз вон!* – внезапно выпалил ангел.

– Долго думал? – апатично зевнул я, пытаюсь скрыть нервное возбуждение, вызванное его очередным «явлением». – Кстати, если ты помнишь что я на тебя, как ты трактуешь мою личную молитву – «жаловался», то ты должен помнить и то, что я тебе говорил, о моём желании иметь с тобой дело, чтобы я тебя никогда больше не слышал. Не так ли?

– *Так я из всех сил пытался молчать, не вмешиваться в твою жизнь, наблюдая за тобой со стороны*, – с почти что искренним сожалением ответил ангел, тяжело вздохнув. – *Но на это просто невозможно смотреть без слёз.*

– На что?

– *Посмотри, кем ты стал?!*

Я придиричиво осмотрел себя и остался доволен. Новая, по размеру, косоворотка, полосатые суконные шаровары без заплаток, своими руками связанные лапти – хоть сейчас на ярмарку женихов.

– *Это же не твой удел, и ты сам это понимаешь*, – продолжил ангел беречь мои немного затянувшиеся раны. – *Не могу я молча взирать на это безобразие, как ты виртуозно быкам хвосты крутишь. Ты же авантюрист каких мало, искатель приключений...*

– В основном на свою многострадальную задницу, – ехидно уточнил я.

– *Погоди перебивать, дай мне договорить*, – повысил ангел свой шёпот. – *Ты хоронишься здесь, среди смердов-пахарей. Позволяешь какому-то психу безнаказанно исхлестать себя плёткой... – хм! он и это видел! – ...Тебя здесь всерьёз никто не воспринимает, считают юродивым...*

– Ну, всё замолчи!

– *...Жалеют как деревенского дурачка...*

– Заткнись, наконец! – крикнул я, зажав уши, хотя это мне несколько не помогло.

– *...Ты же бывший офицер Глеб, а бывших офицеров не бывает! Ты ведь присягу на верность давал!* – на такой пафосной ноте закончил ангел свою речь.

– Всё сказал?! А теперь, будь ласков, выслушай и меня! – я вскочил в нахлынувшем порыве относительно праведного негодования. – За то время, которое я здесь нахожусь, я долго размышлял над своей никчемной жизнью и пришёл к логическому выводу, что все мои, так называемые, приключения, это дело твоих рук. Когда ты мог влиять на моё подсознание, о чём ты сам мне поведал, ты, скорее всего и направлял меня во все вертепы Галактики. Возможно из-за тебя, меня вытурили из Флота, из моего родимого Третьего Звёздного Флота. Из-за тебя у меня не было настоящих друзей, одни собутыльники. Место светлой любви заняли плотские наслаждения. У меня никогда не было даже нормального свидания с девушкой. А вспомни, что произошло, когда ты стал разговаривать со мной в открытую, как сейчас... Может ты всё-таки не ангел, а демон?!

Я порыве гнева я ударил кулаком по дереву.

– *Он не знает что говорит, Боже!* – услышал я робкое бормотанье собеседника и не преминул подлить «масла в огонь».

– Почему последние месяцы меня не тянет на «подвиги»?! Не тянет на пьянки, на гулянки?! я даже к местным девушкам не приставал с щекотливыми предложениями! – сыпал я вопросами. – Почему мне не хочется врать всем напрапалую? Нет желания втягивать их в афёры? Ответь почему?

Я скрестил руки на груди и, прислонившись к дереву, сердито уставился в небо в ожидании ответа..

– *Если ты не будешь меня перебивать, я отвечу на все твои вопросы,* – в задумчивости прошептал ангел и стал рассказывать мне свою историю. – У нас ведь тоже не всё просто. Своих примочек и заморочек хватает. Если, допустим, твой подопечный из числа людей достигает каких-то успехов во благо человечества, прославляется, остаётся в памяти людей, в истории, то и нам светит повышение. Доверяют контролировать и опекать отдельные племена, народы, нации и так далее, почти как у вас на Флоте, а если повезёт, можно дослужиться и до архангела, читай – адмирала. Я, действительно, однажды чуть не стал падшим ангелом, когда надоумил одного никудышнего человека как прославиться. Тип был вообще никакой! Хоть и грек, а ни в науке, ни в искусстве, ни в военном деле ничего не рубил, зато амбиций хоть отбавляй. Родись он в Спарте, моментом бы в пропасть улетел. У спартанцев на таких «уникумов» нюх! Короче завал! И вот такое «тело» досталось мне. Погоревал я, подумал и придумал как сорвать куш даже с ним. Ненавязчиво подсказал ему незаметно подпалить какое-нибудь общественно-значимое здание, и после чего на глазах у свидетелей с риском для жизни потушить пожар и стать знаменитым героем. В то время ни пожарных, ни огнетушительных роботов не было, поэтому план мне казался весьма заманчивым. Только позднее я сообразил, какой глупостью была это авантюра, и что даже если бы это дело выгорело тогда, то на Страшном суде мой подопечный по любому расколосился бы. На деле же всё вышло намного нелепей. Короче, этот Герострат, придурок, я его лично называл «Горестрат», спалил храм почитаемой у греков Артемиды на глазах у многочисленной толпы, да так «удачно», что всё дотла выгорело. После такого «подвига», сам понимаешь, жил он недолго и несчастливо, а меня после его безвременной кончины, соответственно вызвали «на ковёр». Единственное, что меня спасло от полного краха карьеры, то, что следствие доказало, что храм он выбрал самостоятельно, а я даже пытался его остановить в последний момент. Меня долго тогда не подпускали к людям. Я занимался различной чёрной работой: вёл статистику самых неотпетых грешников и праведных святош; сопровождал неудачников в чистилище; занимался розыском застрявших между мирами душ. Наконец, когда слава Герострата немного подзабылась у не в меру злопамятных людей, надо мной тоже смилостивились и дали ещё один шанс. И, как ты уже догадался, этот «шанс» ты. Именно ты! А насчёт остальных твоих вопросов, отвечу так – может где-то и были у тебя нелады с законом с моей подачи, но каждый человек определяет свою судьбу сам. И никакой ангел-хранитель или бес-искуситель его не заставят, если он сам того не возжелает. А насчёт твоего положительного морального облика добавлю лишь то, что здесь народ простой как три копейки, добрый и доверчивый. Мужчины благородны, женщины честны, девушки скромны и целомудренны, не то, что *те* «эмансипатки» из твоего *прошлого будущего*. Вот и ты сам, рядом с ними очистился душой, стал более честным в первую очередь к самому себе, научился у них радоваться простым жизненным радостям. Плохо, что только размяк как хлебный мякиш в молоке.

Поделившись наболевшим, ангел замолчал.

Размышляя над его словами, я обошёл вокруг берёзы, задевая головой её ниспадающие ветви. Мне казалось, что дерево успокаивает меня, разглаживая мои отросшие длинные волосы. Лёгкий ветерок приносил прохладу, солнце, задевая за верхушки елей, клонилось к закату.

– Теперь мне понятно, чем продиктовано твоё желание помочь мне, – наконец произнёс я – Но, неужели ты не видишь, что мне ничего этого сейчас не надо: ни славы, ни приключений, ни авантюр.

– *А разве ты не хочешь отомстить тому злобному типу с плёткой, насколько я помню ты никому никогда не давал спуску,* – вновь начал подзуживать меня ангел – *Тем более, что у меня и компромат на него имеется.*

– Пойми меня, дорогой! – как можно вежливее озвучил я свой отказ ввязываться в новую авантюру. – Я не хочу опять мстить кому-то, строить козни, тем более, что отсюда так просто не улетишь, не растворишься во Вселенной, как бывало прежде. Давай лучше оставим всё как есть.

Я посчитал наш разговор на этом оконченным и пошёл прочь от дерева, надо было гнать стадо в деревню.

– Хорошо, как скажешь! Не смею настаивать! – подозрительно быстро согласился с моими доводами ангел. – *Только знай, воевода Мстислав, этот псих недоделанный, затеял крамолу против своего князя, метит на его место, а что будет с народом, когда к власти приходят тираны, психопаты и шизофреники, я думаю тебе объяснять не надо, историю ты учил.*

Я резко остановился и развернулся чтобы взглянуть в глаза собеседнику – совсем забыл, что разговариваю с бесплотным духом.

– Врёшь ведь?! Откуда у тебя такие сведения? – настороженно спросил я. От этого пройдохи, можно было ожидать любого подвоха.

– *Да не сойти мне с этого места коли это не так! Клянусь всеми святыми!* – убедительно проговорил ангел, и не верить ему у меня причин не было, он со всеми святыми лично знаком был. – *А узнал я всё в тот день, когда он, садюга, тебя плёткой огрел. Я проследил куда он спешит. Он в тот раз как раз к кривлянам ездил, на встречу с их князем. Тогда у них сговор и произошёл. Князь Яромир ему помощь оказать пообещал, в свержении князя Святополка, в обмен на треть земель древлчей. А коль этот пёс смердячий князем станет, всем худо будет.*

– Так, что же ты раньше молчал?! – крикнул я, сжав кулаки. – Почему не предупредил сразу?!

– *Ну-у,* – многозначительно протянул ангел – *Во-первых, ты сам мне сказал с тобой не разговаривать, да и не готов ты ещё был к такому повороту событий: и суд, и хронодепортация, и этот дед со своей нешуточной дубиной, а тут ещё я тебя бы начал грузить разборками местных князей,* – ангел ехидно хохотнул, – *Да ты по первьяне себя со стороны не видел, ходил действительно как юродивый, квадратными глазёнками на всё и вся пялился, благо в обмороки не падал. А самое интересное – сегодня у меня появилось нехорошее предчувствие, что скоро будет развязка, а меня предчувствия не обманывает.*

– В отличие от моего «предчувствия», – посетовал я, но ангел проигнорировал мои слова. Взвесив все за и против, я всё же решил ввязаться в это гиблое дело.

– Допустим, я поверю тому, что ты мне сейчас наплёл тут с три короба, и что мне прикажешь делать? – обмолвился я, но быстро поправился. – То есть посоветуешь.

– *Во-от! Узнаю своего Глеба! Это уже другой разговор!* – обрадовался ангел. – *Будешь слушать меня, всё будет хорошо и даже хуже, в смысле – лучше. Давай пастух,* – вновь радостно хохотнул ангел, – *гони стадо домой, по дороге всё расскажу.*

– Слушай, а у вас у ангелов есть имена? – осторожно, чтобы не обидеть, поинтересовался я у ангела, погнав коров в деревню.

– *Обижает! Естественно есть!* – весело ответил тот. – *А разве я тебе не говорил?*

– Не припомню!

– *Тады ой! Небольшая заминочка знать вышла!* – отозвался ангел и кашлянул. – *Кха, кха! Разрешите ещё раз представиться?! Ангел-хранитель Ковалёва Глеба Ильича, его телодушехранительшество Эхнафаил! Глеб, для тебя просто Эха!*

– Что же, несмотря ни на что, приятно познакомиться! – улыбнулся я, у моего ангела было хорошее, надеюсь, как и все остальные чувства, чувство юмора.

– *Глеб Ильич, Глеб Ильич!* – просительно зашептал Эхнафаил – *Перед тем как я оглашу наш план, пообещай мне выполнить одну просьбу.*

– Ну что ещё? – миролюбиво спросил я.

– *Нет, ты сначала пообещай!*

– Хорошо! Всё, что в моих силах! – наивно согласился я, но вы то понимаете, что «мои силы» можно было трактовать по разному, в зависимости от складывающейся обстановки.

– *Я тебя умоляю,* – прошептал ангел. – *Ты, пожалуйста, больше не рассказывай местным про Землю, про Солнце, Луну, про белые карлики, туманности и подобные вещи. Придёт время, их потомки сами во всём разберутся, славичи народ умный, они и так первыми всё узнавать, изобретать и открывать будут, и в Космос первыми полетят, а нам с тобой нужно кардинально менять твой имидж. Лады?!*

– Лады! Замётано! – согласился я с его предложением, это мне организовать не трудно.

– *Отныне ты не Ковалёк, а, эм-м,* – задумчиво помычал Эхнафаил, подбирая новое прозвище. – *Допустим, Глеб Вещий!*

– А что, звучит! – простодушно улыбнулся я, не воспринимая всерьёз его болтовню, – Давай, выкладывай свой коварный план!

Предложение встретиться с князем Святополком и всё ему выложить начистоту про происки Мстислава, можно было назвать планом только с бо-ольшой натяжкой. Эхнафаил, не мудрствуя лукаво, как, впрочем, и всегда, предлагал мне в качестве эдакого юридического-проризателя смотаться в княжий град, правдами и неправдами добратсья до князя, рассказать ему о преступном сговоре Мстислава с кривлянами. Если же не удастся получить аудиенцию у князя, то самим, точнее самому, подстеречь в тёмном переулке и разделаться с гнусным воеводой, дабы и древличам службу сослужить и с обидчиком расквитаться. Ох, и зол был мой ангел на этого Мстислава.

– А почему нам сразу терем этого воеводы не подпалить? – с едва заметной иронией подытожил я озвученный ангелом план антиэкстремистских мероприятий. – Так намного проще выйдет.

– *Нет, к огню, мы, с твоего позволения, вообще притрагиваться не будем, княжсий городец весь чертям на радость спалим,* – поспешно ответил ангел, но, уловив в моих словах шуточный тон, обиженно бросил. – *Шутить изволите?! Как остроумно! Я же тебе как другу открылся, раны свои старые разбередил, а ты подкальываешь.*

Извинившись за неуместную шутку, я поинтересовался, как лучше будет объясниться с деревенскими по поводу моего неожиданного убытия. С тем пунктом «плана», в котором говорилось, что надо наведатсья в Твердск, как минимум на разведку, я был, безусловно, согласен.

– *А что говорить?!* – сказал Эхнафаил, даже не раздумывая. – *Честно скажешь, так, мол и так, слышал чудный глас свьшие – то бишь со мной пообщался – который указал тебе твой истинный Путь. Ты же юродивый, они запросто поверят.*

– Всё гениальное – просто! – одобрил я его идею. – И врать не буду, и объясняться долго не надо.

– *Но это ещё не всё!* – с хитринкой в голосе, добавил ангел. – *Завтра нам надо будет сходить кое-куда.*

– Куда?

– *На Кудыкину гору!* – фыркнул Эхнафаил и многозначительно прошептал. – *Утро вечера мудренее Завтра узнаешь.*

Я уже подогнал стадо к первым околицам деревни и нам навстречу, с криками «привет Ковалёк» устремилась ребятня, разбирая и разгоня своих бурёнок по хлевам.

– *Ты сегодня пораньше спать ложись,* – вновь раздался шёпот ангела. – *С рассветом пойдём в одно весьма интересное место, идти далеко, до вечера бы обернуться.*

– Хорошо – ответил я, больше не о чём не расспрашивая.

– *Спокойной ночи, звездный воин!*

– До завтра! – шепнул я и погнал коров своих гостеприимных хозяев к дому.

Наскоро отужинав, я сослался на усталость и отправился спать на запрошенный под завязку сеном сеновал. Старик Матвей, переживая, что я занемог, велел Фоме запарить мне отвар из трав и принести прямо на сеновал. В очередной раз убедившись в душевности и чистоте этих людей, я пообещал себе обязательно чем-нибудь отблагодарить их, и... незаметно уснул.

Впервые за много дней мне снились не бескрайние просторы Галактики, а бескрайний океан леса, над кронами которого я парил в своём солнечном сне.

Солнце ещё нежилось за горизонтом, когда меня разбудил настойчивый шёпот Эхнафаила:

– Рота, подъём! Готовность номер один! – трещал его голос в моей голове назойливым будильником. – Вставай, соня! Кто рано встаёт...

– Не продолжай! У-ах! – зевнул я, открыл глаза и потянулся.

Стараясь не разбудить собак, я, взяв с собой припасённый с вечера кусок пирога на завтрак, вышел за околицу и направился в сторону леса, куда указал Эхнафаил. Зябко поёживаясь от предрассветной прохлады, я углубился в чащу, и зашагал, ведомый «внутренним голосом» «туда, сам не знаю куда, за тем, сам не знаю зачем». На все вопросы, Эхнафаил отшучивался прибаутками, вроде: «много знать будешь, состаришься скоро» или свою заезженную «на Кудыкину гору, в гости к старому вору». Долго ли, коротко ли пробирался я по лесу, но солнце уже стояло в зените когда впереди показалась высокая крутая скала, на некоторых террасах которой росли малорослые чахлые сосны. Когда я подошёл к её подножию Эхнафаил шумно вздохнул и доложил что «наконец-то прищандыляли на место».

– *Там, на вершине скалы имеется заброшенная пещера одного отшельника. В ней есть чем разжиться,* – сказал ангел и провёл короткий инструктаж. – *Лезь наверх с противоположной стороны, там удобнее подъём, и смотри поаккуратней, не свались, и вниз не смотри.*

– Звездолётчики высоты не боятся! – самоуверенно похвастался я и уверенно пошёл вокруг скалы на её штурм.

Обойдя утёс, я плюнул на руки и, хватаясь за скальные выступы и корни деревьев, начал карабкаться наверх. Где с горем пополам, где с подсказками Эхнафаила, взбирался я по скале и после двухчасового подъёма достиг-таки верхнего яруса. Только вскарабкавшись на террасу, я глянул вниз и, почувствовав лёгкое головокружение, поскорее отполз от края пропасти. Удалившись от него на несколько шагов, я поднялся на ноги и осмотрелся: со скалы, куда хватало глаз, бушевало зелёное таёжное море, своей могучею красою заставляя сильнее стучать сердце. Оно напоминало мне сон, приснившийся этой ночью.

– *Эй! Хватит ворон считать!* – нетерпеливо зашептал ангел – *Тебе ещё спускаться вниз, а это намного сложнее, иди в пещеру.*

Оглядев террасу, я увидел вход в пещеру, уходивший вглубь монолита, и больше похожий на большую круглую нору. Подойдя к входу, я остановился в нерешительности:

– Там, правда, никого нет? – как можно безразличней поинтересовался я.

– *Уже много-много лет пустует,* – уверил меня ангел. – *Иди, не дрейфь, офицер.*

Я спустился по ходу в пещеру, которая внутри оказалась не такой уж тёмной. В свете отражённых от гранита солнечных лучей я различил сколоченный из неотёсанных досок стол, табурет, парочку сундуков у стен, на которых была навалена разная рухлядь, и всё это было покрыто толстым слоем пыли. Моё внимание привлекли висевшие на вбитых в стену костылях кольчуга с большой узорной бляхой на груди, меч с непонятными рунами на лезвии, булава с резной рукоятью, лук, колчан со стрелами, и шишак с кольчужной свесью.

– Здесь что было, разбойничий вертеп? – спросил я у своего спутника, сдувая пыль с булав.

– Я же сказал, отшельник здесь жил давным-давно, – ответил Эхнафаил. – Жил-был могучий богатырь, а стал отшельник. Из-за любви разочаровался в людях. Из похода его возлюбленная не дождалась. История стара как мир...

– А ты откуда про это место знаешь? – спросил я, стирая рукой пыль с кольчуги.

– Я многое знаю, – последовал ответ. – Помнишь, я тебе рассказывал, что одно время, занимался розыском неупокоенных душ. Я кстати, тогда ещё на полставки купидоном подрабатывал. Про Ромео и Джульетту слыхал? Это с моих прототипов пьеса списана. Вот с тех пор я о нём и узнал. В общем, это долгая история, – спохватился Эхнафаил, – расскажу как-нибудь на досуге.

– Слушай Эхнафаил, у тебя что ни событие, то трагедия. Меня начинают терзать смутные подозрения.

– Не мелите чепуху, молодой человек!

Ангел опять обиженно заспеел.

– Не бери в голову, друг! – сказал я и, вдобавок, осмелился высказать я свое предположение по поводу нашего сюда прибытия. – А сюда мы забрались, я так понимаю за амуницией?

– Угу, аа ней самой.

– Что же, так и быть, пожалуй, я возьму меч и лук со стрелами, – выбрал я себе что полегче и поэффективнее в бою.

– А вот и не угадал, – ухмыльнулся ангел. – Ты же ими пользоваться совсем не умеешь, только с детьми и стариками, да и то не со всеми, сражаться сможешь. Ну и естественно где же это видано, чтобы смерд, а тем паче юродивый, бродил по земле с оружием, тем более с мечом богатырским. Тебя мигом схватят люди Мстислава, раскусят, и, соответственно, насадят. На кол насадят!

– Тогда что брать здесь будем? – задал я вопрос, не понимая, зачем он меня тащил в такую глухую даль, если этого нельзя, то не можно.

– Значится так! Я думаю, кольчужку ты однозначно наденешь, – уверенно прошептал ангел. – Так мне спокойней будет. А чтобы её не светить кому ни попадя, сверху какое-нибудь холщовое рубище натянешь, поройся в сундуках, подьщи что-нибудь.

Я раскрыл сундук и, покопавшись в нём, вытащил вполне сносную ферязь – длинный балахон с рукавами и капюшоном.

– Примерь кольчугу, – требовательно прошептал ангел. – А сверху рубище натяни.

Сняв со стены чувствительного веса кольчугу, я одел её через голову, и так же, через голову, натянул рубаху. Кольчуга оказалась слегка великоватой и тяжеловатой, но удобной – грудь не сдавливало, под мышками не тёрло. Балахон же, сверху на кольчужке, оказался в пору: лапти из-под него не видно и по полу не метёт, как по мне сшитый, правда руки из рукавов долго выуживал, но это дело поправимое, рукава можно будет под нужный размер обкорнать.

– Посмотри кушачок ещё, – подсказал Эхнафаил. – Подвяжешься им, вылитый бродяга будешь.

Отыскав моток верёвки, я отрубил от него кусок и подвязал свой новый наряд. Порывшись в другом сундуке в поисках ещё чего интересного, я нашёл мешочек с золотыми самородками. Здесь было целое состояние.

– *Молодец, сыщик! Хорош улов!* – обрадовался ангел, словно ему не всё равно. – *Теперь заживёшь нормально, в городе на столько золота, можно добротный терем с прислугой выменять! Глядишь, оно и двери в княжеские палаты откроет.*

Но у меня по этому поводу было своё мнение. Я бросил мешочек с самородками в найденную здесь торбу, и продолжил осмотр помещения. Найдя среди рухляди ожерелье, по всей видимости языческий амулет, состоявший из кожаного ремешка с нанизанными на него продырявленными камешками, клыками и когтями животных, и привязанными к нему перьями разных птиц, я примерил его на свою шею.

– *Разумная инициатива! Умница!* – похвалил меня Эхнафаил за находчивость. – *Теперь ты и впрямь похож на юродствующего бродягу, только морда дюже смъшлѣнная, да это дело поправимое,* – добавил ангел, и сообщил ещё одну новость, – *Но и совсем без оружия нам никак. А тебе нужно такое, чтобы и подозрения не вызывало и пригодилось в случае чего.*

Он подсказал мне подобрать лежавший в углу посох – длинную с мой рост узловатую палку, один конец которой оканчивался набалдашником из скрученных клубком стальных змей, что можно было её использовать как дубинку.

– *И это ещё не всё,* – загадочно прошептал мой сообщник. – *Приподними посох и надави на сучок ногой.*

Я сделал всё как сказал ангел и увидел, как на конце посоха выскочило наружу небольшое, сантиметров десять, обоюдоострое лезвие, похожее на лезвие обычного засапожного ножа.

– *Это как раз то, из-за чего мы здесь,* – пояснил Эхнафаил, видя мой нескрываемый интерес к посоху. – *Выдвижное лезвие к посоху изготовил один искусный кузнец из племени холмичей, а они знатные мастера в кузнечном деле. Вспомнишь свои курсантские годы – занятия с шестом. Я имею в виду не стриптиз-бары, а приёмы боевой гимнастики, будешь этим «шестом» отбиваться в случае какой-нибудь крайней необходимости,* – напомнил он давно забытые беззаботные годы, и, опомнившись, поторопил. – *Давай-ка, назад собираться, а то солнце уже на закат клониться. Ещё находишься с ним. Сучок-то, на место верни, или так и будешь с оголённым оружием ходить, обалдуй.*

Вернув лезвие в исходное состояние, я снял с себя своё новое снаряжение или обмундирование, называйте как хотите, и всё это связав в один узел, спустил на найденной в пещере верёвке со скалы. Затем привязал конец верёвки к одному из выступов, и используя её как страховку, более-менее споро спустился вниз. Здесь я одел на себя кольчугу и холщовое платье, перекинул торбу через плечо и, как профессиональный скиталец, опираясь на посох, поспешил в обратный путь, тем более, что очень хотелось поесть.

Как я ни старался поспешать, в деревню вернулся уже за полночь. К моему искреннему удивлению в ней никто не спал. Оказывается Фома, обнаружив с утра моё непонятное исчезновение, забил тревогу, и народ всем гуртом ходил по окрестностям, выкрикивая меня. Напомню, эти люди считали меня странным и боялись что могу заблудиться или того хуже, поэтому, даже с наступлением темноты мои поиски ими не прекратились: с горящими факелами в руках бродили мужики звеньями, пугая лес своими громкими возгласами. Женщины и дети в томительном ожидании стояли у околицы.

Чудом не наткнувшись на поисковые команды, я вышел напрямик на них.

Увидев вышедшую из тьмы фигуру, в длинном платье, с капюшоном на голове, который я одел для пущей солидности, да с непростым посохом в руке, деревенские поначалу меня не признали, и на всякий случай шарахнулись в стороны – мало ли кого, по ночам носит. Но, разобрав, кто перед ними, радостные обступили меня с вопросами. Извинившись за причинённое беспокойство и сказав, что остальное они узнают завтра, я, шатаясь от усталости, отправился домой в сопровождении вернувшегося с мужиками из леса Фомы.

– *Утро вечера мудренее будет!* – несмотря на возбуждённый гомон, расходившихся людей, услышал я напоследок одобрителный шёпот. – *Моя школа! Так держать!*

С утра пораньше, хорошо подкрепившись, облачась в своё новое обмундирование и прихватив посох, я вышел из избы вместе с дедом Матвеем и Фомой. На улице, несмотря на ранний час, к этому времени собрался народ, гадавший меж собой о моём странном исчезновении и не менее странной перемене имиджа. Увидев меня, заинтригованный народ замолчал.

– Мир вашему дому! – поклонился я, приложив руку к сердцу.

– И тебе не болеть, Ковалёк! – ответил за всех деревенский староста Ерофей Лукич. – Чаво, это ты вчера народ взбудоражил, покой наш нарушил своим поведением?

Не вдаваясь в подробности, я рассказал о том, что слышал «чудный глас» свыше, который указал мне верный путь во благо людей. Говорил я красиво и правдоподобно. Жители деревни, услышав про открывшийся во мне дар общения со светлыми духами, коим, по сути, и являлся Эхнафаил, особо и не удивились.

– Что с него возмёшь?! – по простецки прикинул староста Ерофей. – Одно слово – юродивый, тут и дивиться не чему.

Поблагодарив их за участие в моей судьбе, я вынул из котомки мешок с золотыми самородками, раскрыл его и передал Матвею. Увидев содержимое мешка, народ ахнул, и до моего слуха долетел испуганный шепоток из толпы «неужто, грабанул кого?!»

– Не разбойным путём оно получено, – усмехнулся я. – Здесь только небольшая часть моего долга за ваше добро, – кивнул я на блестящий благородный металл, – Разделите по совести.

– *Ты что творишь?!* – раздался возмущённый голос «проснувшегося» ангела. – *Ты, что наш первоначальный капитал разбазариваешь?! Так никаких средств не напасёшься! Ну-ка прекрати дурить, скажи, пошутил. Нам самим для важного дела золото понадобится.*

– Не твоё дело, – прикрыв рот рукой незаметно прошептал я.

– *Ну хоть половину оставь себе,* – взмолился Эхнафаил. – *Хоть четвертинку! Сам же потом жалеть будешь.*

– Отстань, жадина! – буркнул я в ответ, на секунду отвернув лицо в сторону, и обратился к ошарашенным моим подарком людям. – Вы многому меня научили, а главное открыли мне смысл жизни.

– *Вот как?!* – искренне удивился Эхнафаил. – *Интересно и в...*

– ... чём он? – одновременно с ангелом спросил староста.

– *Этот смысл!* – дополнил Эхнафаил. – *Поделись!*

– Трудно это выразить, – задумчиво ответил я. – Но если в двух словах, то – «рой другому не яму, а колодец, чтобы другим человекам полезно было, и тебе не икалось».

– *Тьфу ты!* – разочарованно фыркнул ангел, не сообразив, о чём это я, а Ерофей переглянувшись с сельчанами, молча покачал головой. Чего-чего, а заумных речей они от меня особо и не ожидали.

– Ну, честной народ, не поминайте лихом! – огляделся я на стоявших вокруг людей. – Пора мне и честь знать.

Обняв на прощанье Фому, да всплакнувшего Матвея, я помахал остальным рукой и, не оборачиваясь, пошёл по дороге, ведущей в сторону княжьего града Твердска. Как я просил, меня никто не провожал.

– *Ох! Зря ты им золотишко отдал! Помяни моё слово, передерутся как пить дать!* – предостерег меня ангел в надежде, что я изменю своё решение с золотом.

– Не бойсь, бьюсь об заклад, не подерутся, – «утешил» я его, углубляясь в лес – Они намного мудрее, чем ты думаешь. Они сделают всё по уму да по совести.

– *А нам от этого ни фи́га не легче*, – продолжал настаивать Эхнафаил на своём – *Вернись пока не поздно!*

– Поздно! – сказал я как отрезал. – Да и примета дурная, возвращаться.

– *Э-эх!* – сокрушённо вздохнул ангел, по достоинству оценив мою упёртость. – *Что мне с тобой делать?! Ой и намайось я с тобой, святоша! Кто бы мог подумать, устроил реалисти-шоу...*

Я ничего не стал отвечать и перебивать, дав возможность Эхнафаилу от души посокрушаться о потерянном добре. Его нытьё мне шагать не мешало, а даже и развлекало в дороге. Пока есть время, пусть попустословит, скоро нам будет не до шуток и прибауток. Ведь самое интересное только начинается.

ЭПИЗОД III. МЕСТЬ ЮРОДИВОГО

Дорога бежала через лес, который только-только начинал просыпаться – то там, то сям слышались редкие дятеловы перестуки и сорочья трескотня, остальные пичуги, просыпаясь и спеша присоединиться к ним, изо всех сил свиристели свои радостные трелья ясному солнышку. Постепенно свежее голубое утро сменялось жарким деньком. Ветер раскачивал нарядные зелёные кафтаны древесных исполинов. Травы и цветы на лесных полянах благоухали и пестрили радовавшим глаз многокрасием.

Время шло, а дорога всё вилась и вилась сквозь голутвины лесной чащобы, то скатываясь с пригорка, то вновь забираясь на укрытые зеленью холмы. От долгой ходьбы вдалеке не лёгкой кольчуге я стал понемногу уставать. На очередной дорожной развязке, где сходились три пути, Эхнафаил остановил меня:

– Устал, смотрю странник, – участливо прошептал он. – Сойди с дороги, сядь на пригорке да перекуси немного, далеко ещё топать.

Не заставляя себя уговаривать дважды, я свернул к одной из могучих елей и под её сенью принялся уплетать свой незамысловатый обед, состоявший из краюхи хлеба с хрустящей корочкой, печёной картошки с солью и ядрённого кваса.

Подкрепившись и отдохнув немного, я засобирился в дорогу.

– *Не спеши скакать как оголтелый*, – вновь подал голос ангел. – *Обожди чуток. Нехай жирок завяжется.*

– Чего ждать? – осведомился я, закидывая торбу за плечо и поднимая посох. – Завтрашний день?

– *Погодь, я сказал*, – настойчиво воскликнул Эхнафаил. – *Поедешь скоро.*

– Никак такси вызвал?! – уже на ходу обронил я, зашагав дальше.

– *Ну, как хошь! Моё дело подсказать!*

– Вот именно, я так хочу.

Возможно, я действительно погорячился сразу после приёма пищи продолжить поступательное движение вперёд, да ещё и в броневом облачении. Где-то через версту я почувствовал себя неважно: и кольчуга и котомка показались мне настолько весомыми, что плечи заломило, да и посох, если честно, внезапно потяжелел без причины, что пришлось перекладывать его из руки в руку.

– *А я же говорил, не надо спешить, мудрого ангела смешить*, – язвительно произнёс Эхнафаил, заметив моё плачевное состояние. – *Это не шутки, под такой тяжестью столько промаршировать без подготовки. Ещё после вчерашнего перехода. Думать надо же, и меня слушать тоже.*

– Помолчи... немного... пожалуйста! – остановился я отдышаться немного. – Я, наверное, кольчугу сброшу. Ни к чему она «юродивому», с ней, если что не так, и не убежишь вовсе.

– *Э-э, даже не вздумай!* – воскликнул ангел – *У меня на её счёт тоже есть своё предчувствие, и оно точно не обманывает.*

– И что «оно» тебе «говорит»?

– *Чтоб ты не геройствовал, где не надо, а подождал гужевой транспорт.*

– Не понял?

– *Чего непонятно?! За нами мужик на телеге едет, – пояснил Эхнафаил. – Скорее всего до Твердска, с ним и доедешь.*

– Так что сразу не сказал?! – обессилено произнёс я, ругаться сил не было.

– *А кто пытался тебе сказать? Ты же сам не стал слушать!* – ответил ангел и вновь обиженно засопел.

– Ну, извини, в следующий раз буду слушать, – примирительно сказал я, и в ожидании «попутки» присел на обочине.

– *Как же, будешь, – проворчал мой советчик, успокаиваясь. – Ещё раз ослушаешься, накажу.*

Я промолчал, не став подкалывать, дабы не доставать лишний раз, каким это образом бесплотный дух меня сможет наказать, не отшлёпает же, в конце концов. Примолк и Эхнафаил.

Вскоре послышался скрип, и на пригорок въехала телега, запряжённая гнедой лошадкой. Её понукал, сидя на передке, круглолицый, розовощёкий толстячок в добротной одежде. Телега была наполнена всяким скарбом, накрытым рогожей, и перевязанным толстым шпагатом. Сразу видно, мужичок из торговых людей.

Увидев меня, сидевшего на обочине, мужик, подъехав ближе, остановился.

– Куда путь держишь, мил человек? – поинтересовался он

– Туда, где в правде есть нужда! – высокопарно ответил я, вставая.

– *Ой, не умничай, – влез со своим замечанием, ангел. – Просись, до городища доехать.*

– Я в Твердск путь держу, не подкините, любезный? – не стал я пререкаться с ангелом, а сделал, как он сказал.

– Чего же не подвезти, убогому человеку у нас всегда место найдётся, – подвинулся на передке мужичёк, освобождая место подле себя. – И путь короче окажется.

– *Дождался? – усмехнулся Эхнафаил. – Казалось бы, посторонний человек, и тот мигом раскусил, что ты с приветом.*

– Так задумано, – прошептал я в сторону, усаживаясь на телеге рядом с её хозяином. Посох я положил за спиной. – Пока легенду менять не будем.

– Пш-шла, родимая! – крикнул толстячок и мы поехали дальше.

По дороге мы познакомились и разговорились. О себе я рассказал немного, и то в допустимых пределах, чтобы не травмировать неподготовленную психику человека. Зато Мартын Лукич, так назвался мой спутник, оказался человеком весьма общительным. Он рассказал, что является купцом в третьем колене, проживает в самом городище, на торговом ряду, где у него своя лавка, куда он привозит товары от бредовичей, привозящих их из чужедальных краёв, в которые плавают они по Волхе-реке.

Лукич тараторил без умолку, видно долго один ехал, а тут уши свежие объявились. От его монотонной болтовни, я даже задремал незаметно. Он, не заметив моей отключки, продолжал беседу.

Вдруг, сквозь дрёму, я услышал тревожный шепоток.

– *Вас пасут!* – озабоченно прошептал ангел. – *Слышишь, нет?!*

– Кто? – спросил я, сна ни в одном глазу.

– Так племянник мой, – ответил купец, удивлённо взглянув на меня, мол, я тебе уже полчаса про него рассказываю, чего переспрашивать.

– Помолчи батя! – попросил я не в меру говорливого мужичка «встать на паузу».

– Разбойники! Трое! – уточнил Эхнафаил. – *Один на дубе, впереди вас. Двое по краям дороги, в кустах. Чёрт, поздно я их заметил, могли бы свернуть. Если попробовать с места в карьер рвануть, может прорвёмся...*

Ага, конечно, рвануть. Лошадка и так еле тащит нас, ей с места только в скотомогильник осталось «рвануть».

– Останови-ка лошадь, – тоном, не терпящим возражений, сказал я купцу. Он попытался переспросить, в чём дело, но я выразительно посмотрел на него и Мартын Лукич натянул вожжи.

– *Ты что удумал, камикадзе?! – теперь затараторил Эхнафаил. – Почему остановились. Что ещё за остановка по требова...*

– Помолчи! – ответил я.

– Я и так молчу, молчу, – недоуменно пожал плечами купец, глядя, как я, взяв посох, спрыгнул на землю.

«Точно юродивый», донёсся до меня неодобрительный шепоток, но я так и не понял, кто сказал, купец или ангел, да и не до этого сейчас.

Обойдя лошадь, я сделал ещё несколько шагов вперёд и остановился напротив дуба, на котором, по разведывательной информации, спрятался один из разбойничков. Сделав несколько замысловатых псевдомагических пасов руками и посохом, я начал вещание.

– Здорово братья лихие, разбойнички шепутные, шаромыги придорожные, шушера шпанливая! – «поприветствовал» я сидевших в засаде лиходеев – Выходи, не очкуй! – показал я в обе стороны на кусты, – Слазь и ты, не кукуй! – ткнул я посохом в крону дуба, – Посидим перетрём, о своём, о чужом!

Осоловевшие разбойнички, услышав мои речи, поняли, прятаться смысла нет и, ломая кусты, с дубинами наперевес, вышли на дорогу. Тот, что притаился в ветвях, от моих проричаний, в буквальном смысле, рухнул с дуба, но быстро вскочил и присоединился к дружкам. Обступив меня с трёх сторон, они, туповато переглядываясь, остановились.

Увидев их в непосредственной близости я понял – «очковать» наверное, надо мне – здоровые бугаины, на голову выше меня, плечистые, с бородами и дубинами до пупа (правда первые сверху, вторые от земли) они представляли серьёзную опасность моему драгоценному здоровью.

– *Ну что, доюродствовался, фокусник?! – нервно прошептал Эхнафаил – Давай уже, продолжай переговоры, импровизируй, как ты это умеешь, это единственный шанс. Вспомни своих дружков уголовников.*

– Ага, понял! – ответил я, опять забыв, что сейчас не один.

– Не понял? – сказал стоявший напротив меня верзила. – Что понял?

– Ты меня на понял не бери, понял? – как можно развязней, но без вызова ответил я. – С тобой говорит Глебан Зловещий, если ты ещё не понял – пришлось немного приврать, не говорить же, что им пудрит мозги «Ковалёк-юродивый».

– Ты о чём, болезный? – обратился ко мне детина, стоявший слева – Что-то мы тебя никак не раскумечем?

– Вот только давайте без эквелибристических эквивоков. Не любо мне так дела вести, соплом попусту трясти.

– Слышь-ка, кончай околачивать вокруг да около, – недовольно сказал детина слева. – Ты как нас учуял пёсик?

– Братва! – примирительно ответил я. – Зачем нам долдонить друг с другом, нам нечего с вами делить.

– Как это нечего?! – подал голос стоявший справа бугай, указывая на купца. – Целая телега добра заморского. Её, милую, мы и будем делить.

– Обожди, Чалый, – остановил его стоящий передо мной разбойник. – Этот бродяга кажись, по фефэле лопочет, но я не могу уловить, о чём лопочет.

– Да и не надо, Хрящ. Долбануть ему по тыкве, чтобы не ерепенился и всё, – разбойник недвусмысленно помахал дубиной.

– Гляньте, у него амулеты братства лесных хранителей! – обратил внимание на болтавшиеся у меня на шее побрякушки из пещеры отшельника один из разбойников. – Они, хранители, хоть и безвредны, а языки животины, да птицы всякой знают, вот он наш трёп болотной и разумеет. Никакой он не фефёл, не нашего древа сучок.

Естественно не фефёл я, и тем паче не сучок, но заболтать шваль блатную или болотную, без разницы, мне вполне по силам.

– Я зыпаю, фраерята, вы тоже по боте фоните, – ответил я на жаргоне некогда знакомых мне космических пиратов. – Со мной шутки-прибаутки не хороши, не плохи, и фигли-мигли, ахи-охи мне не к чему. Если что, я Булю Пятищуплого гикну, кто не в курсе, ему одно щупало «фараоны», во время «скачка» бластером отчекрыжили, так вот этому авторитетному пацану два сателлита Арагурии мзду отстёгивают, и ещё «хурлы-шмурлы» говорят, что на арагурианском диалекте вельми понежным спасибо переводится. Как вам такой аргумент?

– Ну ты завернул, Глебка! – то ли восхищённо, то ли обречённо шепнул ангел.

– А-а, я понял! – радостно воскликнул Хрящ, обращаясь к своим товарищам «по оружию» – Он бродяга-юродивый, а такие с собственной головой в вечной ссоре. Давайте его отпустим. Шило, что скажешь?

– Чего там! Пусть идёт бедолага, – простодушно ответил бандит, стоявший слева.

– Красавчик, Глеб! – восторженно прошептал Эхнафаил. – Так держать!

– Настучит же, – недовольно заметил Чалый. – Надо бы его прежде самим пристукнуть.

– Где же это видано... – попытался заступиться за меня Мартын Лукич.

– Хайло закрой, а то треснет! – в один голос прокричали разбойники купцу, а Шило добавил – Ты купец, за себя бойся, с дурака спрос невелик.

– Я тебе припомню дурака, отморозок! – возмутился ангел, и наши мысли в этом совпали.

– Лады, пушай юродивый катится восвояси, – соизволил-таки мне покинуть место будущего происшествия Чалый. – А мы покуда, с купчишкой поталдычим.

– Ноги в руки, и давай отсюда пока не началось! – запричитал обрадованный ангел, до последнего не веривший, что я так легко выкрутился.

Разбойники прошли мимо, направляясь к телеге, а Чалый напоследок ещё и пнул меня, в мягкое место, полагая, что это придаст мне необходимое ускорение. Я споткнулся и упал в пыль на одно колено, обронив свой непростой посошок, а они даже не оглянулись посмотреть каково мне.

Зря они так со мной, нехорошо над «юродивым» измываться.

Вскочив на ноги, я надавил ногой на потайную веточку-рычажок и, проследив, как выскочило из посоха острое лезвие, обернулся к обидчикам.

– Стой! Ты куда?! – завопил ангел, разгадав мой манёвр – Пошли отсюда! Ты обещал меня слушаться!

Но меня уже было не остановить. Подойдя к одному из разбойников, стаскивавших с телеги купца, я похлопал его по плечу и ухватился за посох.

– Началось в деревне утро! Пинец! – скорбно прошептал мой «инстинкт самосохранения» и замолк.

– Что за хрена... – не ожидая подвоха, развернулся тот, которого звали Шило, ко мне, но договорить не успел.

Ткнув ему, что есть силы, вместо хрена, который он ожидал увидеть, змеиным набалдашником в лицо, второй, не менее сокрушительный, удар посохом я нанёс ему в солнечное

сплетение. Рассыпая зубы, разбойник рухнул на землю. Не разобрав в суматохе, в чём дело, ещё один из разбойников, по-моему тот который Хрящ, всего лишь оглянулся через плечо. С размаху я нанёс ему посохом удар в висок. Раздался противный хруст и второй разбойник упал как подкошенный.

– Ах ты сучонок малохольный! – злобно завизжал Чалый, увидев плоды моих деяний. – Я же тебя в капусту пошинкую, – он выхватил из-за спины большой тесак, – Я тебя как свинью выпотрошу!

Бандит двинулся на меня. Сделав шаг назад, я споткнулся о тело лежавшего на земле бандита, и упал через него на спину.

– А-а! – дико закричал Чалый, прыгнув на меня.

Уперев посох набалдашником в подмышку, я выставил его перед собой. Не заметив лезвия на конце посоха, Чалый с размаху наткнулся на него животом и завис надо мной.

– Держи сучий потрох! – прохрипел он, вываливая наружу свои внутренности и из последних сил воткнул тесак мне в грудь. Но нож, слава богу, не меч – лезвие, попав в бляху на кольчуге, не выдержало и сломалось, не причинив мне вреда, за исключением небольшого психологического шока – не каждый день в тебя ножами тычут. Правда эта падаль мне ещё и рубаху слегка попортила, но это не в счёт. Отбросив в сторону тело издыхающего подонка, я полежал немного, приходя в себя.

– *Ай да Глеб!* – кажется только сейчас обрёл дар речи Эхнафаил – *Ай да богатырь! Не ожидал, не ожидал, уважил ты меня. Заболтал их, бдительность притупил и с тыла ударил! Красава! Чисто сработано хоть и крови много!*

Это было моё первое убийство человека, да ещё и тройное.

Конечно, в моей прошлой жизни, бывало, дрался в кабаках – то мне мордашку начистят, то я кому-нибудь отвешу звездюлей, по склизкой атрицианской роже, а тут потасовка с летальным исходом. От нервного перенапряжения у меня слегка дрожали руки.

– *Глаза боялись, а руки сделали!* – не унимался ангел. – *Не переживай, это всего-навсего самозащита! Тебе там в плюс зачтётся!*

Я прислушался к своим ощущениям – тишина, никаких угрызений совести, значит так им и надо.

– *И кольчужка тебе пригодилась! Уберегла защитница! Я как чувствовал!*

Поднявшись на ноги, я подобрал посох выдернув его из разбойника. Купец, не веря своим глазам, смотрел на лежавших у моих ног здоровяков. Он наверное меньше их ожидал такого поворота событий.

– *Глянь у мужика ступор!* – ухмыльнулся повеселевший ангел. – *Он, кстати, теперь тебе жизнью обязан!*

– Ну что Мартын Лукич, поедем дальше? – подошёл я к нему и потормошил за плечо. – Пока на нас групповое убийство не повесили.

– Да, что же это я, – забегал, засуетился купец, поправляя товар на телеге. – Ой, ой, ой как же так, как же так.

– *Эй, киллеры, вы хоть тела с дороги оттащите,* – посоветовал веселившийся Эхнафаил. – *Или прямо по ним проедете, изверги.*

– Точно! – сказал я.

– Что, простите? – заискивающе спросил купец, подбежав ко мне.

– Давай Лукич, этих оттащим.

– *Кстати, Глеб, за твоё ослушание тебе положено наказание!* – заметил ангел, пока мы оттаскивали тела разбойников в сторону.

– Прекращай! – прошептал я, когда Лукич пошёл за следующим «придорожным мусором». – Победителей не судят.

– Вот только поэтому, я спою тебе только одну песню, чтобы знал как своевольничать.

Я иронично хмыкнул – тоже мне наказание.

Разобравшись со скверной компанией, мы ещё замели следы крови на дороге, повыкидывали обломки зубов и только тогда поехали восвояси, пока кто-нибудь нас не застукал.

Лес продолжал шуметь, как ни в чём не бывало, а у меня в голове ангел запел свой сомнительный «ХИТ».

*Мы с тобою изгна-аны из Рая-а-а, -
безбожно фальшивя, затянул он противным шепотком -
По тропинке, следом за другими-и-и,
Друг пред другом, от стыда сгорая,
Прочь от врат уходим мы нагими-и-и.
Ты не перва-ая кто в час-с-с рас-с-светный,
Соскочив пораньше жа-аворонка,
Без-з-заботной, озорной девчонкой,
С дерева сорвала плод запретны-ы-ый.*

И когда, вкуси-ив его, прозрели-и...

– Всё хватит! Сдаюсь! – прошептал я, потирая виски. Это и впрямь суровое наказание – слушать его завывания.

– Что с тобой Глеб? – испуганно спросил Мартын, правя телегой.

– Да, в голове зашумело, вот прошу этот шум замолчать, – ответил я купцу.

Тот промолчал, настороженно поглядывая на меня. Ангел, как будто и не слышал моей просьбы, продолжал свой «концерт без заявок»:

*...Мы с тобой, увидев, вдруг друг – друга,
Зашипел Он нам: – Вы повзрослели,
За ворота вынесла нас ф-фьюга
Кое-как тропинку разбирая,
Мы бредём с тобою-ю, не спеша-а-а,
И украдкой на тебя вз-зирая,
Осознал я, как ты хороша-а-а.
Приобняв твой тонкий стан рукою,
Словно делал так не в первый рас-с-с,
Опустились в травы, над ре-икою,
От смущенья серп Луны погас.
Под величественным звё-о-оздным небом,
Я тебе под шелест камыш-ша,
Говорил: – В Саду так щ-щастлив не был,
Мне с тобой рай и без шалаша-а...*

– Замолчи уже! – закричал я.

– Молчу! Молчу! – Мартын Лукич, благодаривший меня за спасение, от неожиданности выпустил вожжи.

– Да я не вам, – мрачно взглянул я на испуганного купца. – Это мысли вслух.

– Гляди, Глебушка, ещё раз ослушаешься, – сжалившись, пригрозил довольный собой ангел – *И ты услышишь весь мой репертуар.*

– Больше не буду, – ответил я и прикрыл глаза.

– Поспи, поспи, родимой, – одобрил мою идею Лукич. – Умаялся чай! Эка тебя проняло.

Поспи друже.

– *Спи, спи,* – разрешил Эхнафаил. – *На горизонте покамест чистоган!*

Я забылся в спасительном сне.

Не знаю, сколько вёрст мы отмотали пока я дремал, но когда я открыл глаза, увидел, как Мартын уже в опустившихся сумерках разводит огонь на небольшой придорожной поляне. Я

потянулся со сна и взглянул на небо: далёкие звёзды поглядывали на меня совсем без укора за содеянное, значит и они не сердились. Это происшествие с человеческими жертвами было на совести тех конченных «романтиков», которые по собственной воле вышли на «большую дорогу».

Всё, хватит думать об этих уголовниках. Необходимо выкинуть уже из головы сегодняшнее ЧП, иначе, в последующем может развиваться психоз, невроз или фобия какая-нибудь. Здесь то, психотерапевтов нет, корректировать никто не будет. Точно шизиком или параноиком стать можно. Всё, выдохнули и забыли!

– Глеб, проснулся уже?! – радостно помахал рукой купец, раскладывая на скатерти незатейливую еду. – Пошли к огоньку, сейчас отужинаем и на боковую, а завтра с утра пораньше тронемся, к полудню будем в городце.

Я спрыгнул с телеги и присел у полыхавшего костерка. Языки пламени, пожирая сухие ветки, освещали пяточок вокруг костра, как бы отгораживая опускающуюся на землю ночь. Над головой захлопала крыльями пролетающая ночная птица, в глубине леса проухал филин – редкие звуки становились слышны отчётливее, чем днём.

– Всё нормально? – спросил я, глядя в ночь.

– Всё нормально! – дружно ответили Эхнафаил и Лукич.

– Давай-ка, Глеб, раздели со мной трапезу – пригласил к импровизированному столу Мартын Лукич.

Во время ужина купец, искоса поглядывая на меня, силился спросить что-то, но не решился. Заметив, что его что-то гложет, я сам обратился к нему:

– Спрашивай Мартын Лукич, что знать хочешь?

Немного помявшись, он, стесняясь, заговорил.

– Извини Глеб, там, на дороге, ты себя Зловещим назвал, это как?

– Это я на разбойников впечатление произвести, – улыбнулся я. – Проще говоря, страх нагнать.

– Ну на меня ты там точно страху нагнал. А-а ...

– А-а, дак в миру, да на досуге я продвигу по мелочам.

– *Что значит «по мелочам»?!* – возмутился, тут как тут, ангел. – *Очень даже много с моей помощью «предвидишь».*

– Выходит ты Глеб Вещий? – догадался Лукич.

– Можно и так сказать, – неопределённо пожал я плечами.

– *Он-на!* – прошептал удовлетворённо Эхнафаил. – *Как я и предрекал, тебя теперь Вещим Глебом нарекут, а то, что это – «Ковалёк», не уровень для нас.*

Ох как хотел я попросить замолкнуть своё «шестое чувство», но не хотелось снова пугать Мартына.

– Знаешь Глеб, я ведь там поначалу, как ты к разбойникам навстречу вышел, грешным делом подумал, что ты заодно с ними, – признался купец. – И лопотал ты странно, и обзывался по ихнему, и вёл себя безбоязненно. Думал всё, доездили купчишка.

– Ерунда, говорят с волками жить по-волчьи выть или – енотов бояться – в нору не соваться! – усмехнулся я. – По дурацки лопотать ума много не надо, я обдурить их так вздумал. Мы их поздно узрели, вовсе можно было и не лезть на рожон..

– Кто же это мы? – прищурился Лукич. – Ты же один ко мне подсел.

– Мы... э-э... – почесал я затылок, прикидывая правдоподобный ответ. – Это я и моё звериное чутье.

– *Сам ты чутьё звериное,* – оскорбился Эхнафаил. – *Зови меня Его Весочество Предчувствование.*

– Значит и впрямь ты провидец? – уточнил купец.

– Я же тебе уже сказал – да! Более или менее, – кивнул я. – Всякое видеть приходилось.

– А отметелил ты тех поганцев аки богатырь былинный. Славно дерёшься! – польстил мне купец и пригорюнился. – Видишь, опять нынче лихой люд голову поднял. Совсем воевода Мстислав крыс не ловит. Раньше такого не было.

Я подбросил в костёр несколько веток хвороста, собранного Мартыном ещё засветло и поинтересовался каким боком тут воевода Мстислав.

– Князь Святополк его внутренними угождениями заведовать поставил, – пояснил купец. – Дань с полюдья собирать, лазутчиков отлавливать, лиходеев искоренять, смотреть за порядком в уделах княжеских. Его дружинники особой породы, он сам их подбирает: жестокие, подозрительные, спуска никому не дают. Коли заподозрят в чём, из когтей своих уже не выпустят. Одна дорога от них – на острый кол. Лютует Мстислав. Народ ропщет на него, зато в лесах и сёлах порядок был, не баловал никто. Видно не до этого нынче Мстиславу, ежели вновь разбойники объявились в земле нашей.

– *Министр внутренних дел, короче говоря*, – пояснил ангел, хотя я и сам догадался.

– А сам воевода, что за птица? – спросил я.

– Мстислав-то? – переспросил Мартын. – Из велеможей он. Его отец Алексей в друзьях с тогда ещё юным княжичем Святополком был. Говаривают, на охоте однажды, он Святополка от вепря дикого собой прикрыл. С младых ногтей сиротой Мстислав Алексеич остался. Святополк его не забывал, при себе держал, как сына своего воспитывал, вместе с дочерью Софьей. Вроде в хорошие руки попал, а зверствует Мстислав по страшному. Порой ему за своеволие от Святополка попадает по отечески, да уж не перекроить видно сей кафтан.

– А как ты думаешь, этот воевода смог бы крамолу против князя учинить? – поинтересовался я его мнением, осторожно зондируя почву.

– Человеческая сущность – потёмки, – ответил купец. – Хотя от Мстислава всего ожидать следует. Непредсказуемый он.

– *Ты это что меня проверяешь?* – озабоченно пробормотал ангел. – *Я врать не буду, сам видел – заговорщик Мстислав.*

Я не стал вступать с Эхнафаилом в полемику, а продолжил беседу с купцом. Тем более, тот и сам был непротив пообщаться на эту тему.

– А чего ты спрашиваешь? – в ответ поинтересовался купец. – Аль слухи какие ходят?

– Ага, слухи! – уклончиво ответил я, раскрывать всех карт пока не хотелось.

– *Сам ты слухи!* – захрипел ангел. – *Мужик честный, ему можно довериться.*

– В общем, Мартын Лукич, тут такие дела, – решил я последовать совету ангела. – У меня имеется достоверная информация из проверенных источников, что воевода Мстислав готовит государственный переворот.

– Ась? – раззинул рот в недоумении купец. – Что он в источниках готовит, приворот?

– *Да, ты как с древличем разговариваешь?! –* набросился на меня Эхнафаил. – *Хочешь, чтобы он по твоей милости с катушек съехал?! Ты ему ещё о манифесте Трёх Конфедераций поведай, чтобы наверняка, –* немного выпустив пар, ангел уже спокойнее продолжил, – *Давай-ка не мудри, по простому, как ты уже здесь насобачился, объясни человеку суть вопроса.*

– Мартын Лукич, хочешь верь, хочешь нет, – положил на всякий случай я руку на плечо сидевшему на корточках купцу, чтобы тот от новостей в костёр не упал. – Видение мне было, в котором воевода ничтоже сумняшеся злобное зло супротив князя задумал, крамолу против Святополка плетёт.

Мартын Лукич опустил на колени и прикрыл глаза.

– Лукич, тебе нехорошо? – встряхнул я его. – Лукич, не пугай меня! Э-эй!

– *Не тормози человека,* – заступился за купца ангел. – *Он полученную информацию переваривает.*

– Я так и думал, что добром это не кончится, – в подтверждение сказанного Эхнафаилом вдруг произнёс купец.

Взглянув на меня Лукич продолжил развивать своё видение назревшей проблемы.

– Мстислав и раньше здорово лютовал, а последнее время вовсе словно с цепи сорвался, собака. Он Софью засватать хотел. Святополк, на усмотрение дочери, готов был согласие дать, однако юная княжна не жалует воеводу. Мстиславу от ворот поворот дала. Она девка торова-тая, на Светозара поглядывает. Народ посмеивался в кулак, а Мстиславушка, он злопамятен. Значится, решил злом на добро ответить, холоп чёртов.

– А Светозар кто ещё такой?

– Неужели не слыхал? – удивился купец. – Воевода Светозар, сподвижник князя и опора его в делах внешних. Молод и умён, с соседними племенами от имени князя дела ведёт, а в случае чего и дружину возглавит. Мой племянник Никита, у него в близких товарищах ходит. Я тебе про племяша-то свово сказывал, – я только развёл руками, мол, прости не помню, – Не захотел глупый, со мной торговым ремеслом заниматься. В дружинники подался. Ну да пушай, может там ума-разума наберётся.

– *Министр иностранных дел, выходит, сей воевода – прошептал ангел. – Светозар нам как союзник сможет пригодиться.*

– Угу, – согласился я с Эхнафаилом и вновь обратился к Мартыну. – Светозар, стало быть, тоже в Софью влюблён?

– Ось, чего не знаю, того не знаю, – вздохнул Лукич. – Может и любит, в тихом омуте всяко бывает, а он такой. Никита сказывал, смущает всегда воеводу девица, а это первый признак...

– А твой племянник сможет нас познакомить со Светозаром?

– Сможет, куда денется. Коли надо, попрошу его, – пообещал купец. – А ты Глеб если остановиться негде у меня поживёшь, я теперича вроде как должник твой.

– *«Вроде как» – передразнил его Эхнафаил, обращаясь естественно ко мне. – Он у нас самый, что ни есть должник. Жизнь спасти не хухры-мухры. У него родимого ты остано-вишься, и думать не надо.*

– Спасибо за приглашение, – поблагодарил я за гостеприимство. – Мне и впрямь негде переночевать, знакомых нет в городе, поэтому с радостью приму ваше приглашение Мартын Лукич.

– Вот и ладно, – обрадовался купец возможности быть мне ещё в чём-то полезным. – А теперь давай вздремнём, думаю, ты всех злодеев в этих местах порешил, – подмигнул он, и отошёл к телеге за подстилками.

– Так говоришь, оба воеводы на княжну запали, – вслух размышлял я, осмысливая услышанное. – Надо взглянуть, что это за Софья такая, если её столько знатных мужиков любят.

– *Любят, не любят, нам какое дело, – прошептал ангел. – У Святополка наследника нет, вот они через его дочь и метят в князья. У Мстислава не получилось, вот и задумал он чёрное дело – по беспределу сместить своего добродетеля. Ты не грузись Глеб, со мной люблю бабу у кого хочешь, отобьёшь. Кстати, княжна Софья, весьма подходящий для нас вариант, ты подумай на досуге.*

Лукич к этому времени вернулся и подал мне набитую сеном рогожу.

– Подумаю, – протянул я, расстилая данную купцом рогожу около костра, и ложась на неё – Обязательно подумаю.

– *А чего?! Чем мы хуже их?! – продолжал вслух «размышлять» Эхнафаил. – У тебя за плечами тоже боевых походов хватает.*

– И то верно!

– О чём это ты? – спросил купец у меня, собирая оставшуюся от ужина снедь в узелок.

– О Софье, о князе, о воеводах...

– *...При более удачном стечении обстоятельств, ты бы тоже давно «воеводой» како-нибудь межзвёздного эсминца был... – не успокаивался ангел.*

– Странный ты, Глеб, – сказал купец, устраиваясь напротив. – Вроде нормальный...

– А вроде и нет, да?! – позёвывая, закончил я за него – В общем, юродивый, ты хочешь сказать.

– ...*Тем более у тебя, в отличии от этих доморощенных полководцев и образование высшее гражданское и среднее военное имеются...* – начал перечислять мои «достоинства» не в меру говорливый незримый «сват».

– Ну, это, вроде того, – смущённо протянул купец.

А это даже забавно – вести беседу сразу с двумя товарищами, да ещё по разным вопросам.

– *Короче, решено – женим тебя на Софье, а там и до княжеского пурпурного плаща рукой подать,* – подумал, подумал за меня «на досуге» Эхнафаил и решил, тоже не посоветовавшись, со мной.

– И тебе спокойной ночи, Лукич! – повернулся я спиной к собеседнику и костру, даже не сочтя нужным отговаривать ангела от его глупой затеи. Пусть куражится, прикидывает как обстряпать это дело, от таких его идей все вреда меньше.

– Ага, доброй, – так и не поняв моей утончённой натуры, ответил купец и, подбросив в огонь, оставшийся хворост тоже завалился спать.

И правильно, утро вечера мудренее.

Следующий день встретил нас в дороге без приключений, и уже к полудню, как планировал Лукич, стараниями его гнедой лошадки, с виду клячи, а на самом деле ещё довольно выносливой бодрячки, мы въехали на холм, с которого открывалась панорама княжеского городища.

– ...аю ...ать! – унёс беспечный ветерок обрывки слов восхищения, вырвавшихся у меня при виде большого населённого пункта, огороженного защитным валом и высокой многометровой изгородью из толстых брёвен заострённых сверху, с большим количеством сторожевых башен по периметру ограждения.

С холма, как на ладони просматривался весь Твердск – в центре града, обнесённый ещё одной, не многим меньшей по высоте, чем наружная, изгородью, стоял Кремль – комплекс построек на княжеском дворе. Всё в точности, как и рассказывал в пути о городище Мартын Лукич, я увидел своими глазами. Град древличей и смахивал на дерево в разрезе, потому как и рос он подобно деревьям, наращивая кольцо за кольцом вокруг своей сердцевины – княжеского кремля.

Кремль плотным кольцом окружали большие двух-, трёхэтажные терема его сподвижников-велеможей: воевод, бояр, богатых купцов и землевладельцев. Далее кольцами расходились дома жителей попроще: купцов, ремесленников, работного люда, бараки подмастерьев, густонаселённые казармы дружинников, с торговыми рядами, площадями, улицами и переулками. Ближе к оберегающей «коре» древа-града – наружным защитным стенам, укреплениям и валам – ютились домишки всякой черни, амбары, склады, лабазы, трактиры, харчевни, хлева, конюшни и тому подобные элементы здешней городской архитектуры.

Лукич отсюда попытался мне показать где его дом, но единственное, что я понял – он жил где-то между вельможными избами и ремесленным местечком. Что же вполне сносно, что ещё надо для спокойной жизни, под защитой таких стен.

Лошадка, почуяв скорый отдых, без дополнительных «просьб» переключилась на вторую передачу, или, как здесь называлось – перешла на рысцу. Тем более, её задача упрощалась: остаток пути шёл в основном под уклон.

На подъезде к одним из четырёх ворот, ведущих внутрь города, а именно к Северным, Мартын Лукич напомнил мне о людях Мстислава:

– Вон те, – кивнул он на стоявших у врат стражей в полном боевом облачении. – Дружинники воеводы Мстислава. Их воля пропускать или не пропускать, заподозрят неладное,

быть беде. Ты держи с ними ухо востро. Если что, скажешь, к знахарю Любославу за советом пожаловал, его они побаиваются, он к князю допуск имеет, скорее пропустят.

– Хорошо, скажу! – согласился я. – А Любослав не с ними?

– Нет!! – синхронно ответили и ангел и купец, только ангел ещё добавил. – *Навёл я тут справки про этого знахаря: ничего сверхъестественного, больше важничает и на публику играет, травяные коктейли-зелья варит как заправский фитофармацевт, а в остальном дилетант, но он не противник.*

Пока ангел мне доводил очередное досье, мы подъехали к воротам, за которым шумела древличевская столица.

– Тпру-у! Стой! – поднял руку один из двух дружинников, тот, что с копьём. – Лукич здравствуй долго! – обратился он к купцу, – А это кто с тобой? Что-то я его не видел раньше-то?

– И тебе не хворать, Мокий. А это парень из Дебрянки, к знахарю Любославу за советом – спокойно, без зазрения совести, соврал им Мартын, и на всякий случай добавил: – Глебом его кличут, он мой старый знакомый.

– Да мы знаем Лукич, что у тебя все смерды в товарищах ходят. – сказал первый стражник, подмигнув второму и оба засмеялись. – Небось, ты и этого к себе в гости потащишь?! – успокоившись сказал он и вновь подмигнул товарищу, мол, каков я молодец, остёр на язык.

Я лично ничего смешного в его речах не заметил. Тупая плоская глупость!

Купец осудительно покачал головой, но ничего не ответил.

Отстав от Лукича, стражник пристал ко мне:

– Эй, смерд, – спросил он, вновь лукаво поглядывая на второго стража, приглашая того поучаствовать в насмешках. – А тебя какая нужда ведет к знахарю, никак хворь приключилась?

Ну, мне в карман за словом долго лезть не надо. Сразу, без подготовки, также спокойно и «правдиво» как Лукич, я изложил свою «легенду»:

– Плохо дело у нас, люди добрые, – заунывно законючил я. – У сестры моей Лукерьи, инфрасветовой ультрамографией выявлена внематочная беременность на этапе формирования внутренних органов плода, от лазарева сечения для аварийного абортирования она отбрыкивается, одна надежда на знахаря. На него только и уповаем, – сложил смиренно я руки на груди, готовый вот-вот расплакаться.

– *Ты смотри, опять не переборщи!* – только и сказал ангел, не вдаваясь, как обычно, в пространный комментарий моих действий.

– Он чево, малохольный? – скривившись, как от лимона, спросил стражник, обращаясь к Мартыну. Со мной ему разговаривать уже не хотелось.

– Как видишь, Мокий, – «смахнул слезу» купец, растроганный моей «драматургией».

– Да, тут совет не поможет, – сочувственно заключил второй страж.

– А он не сглаженный, порчи на нём нет? – поинтересовался Мокий, отойдя на всякий случай в сторону. – Ещё занесёт в город хворь какую-нибудь, или хуже того – поветрие, а то у нас и так тут беда за бедой.

– Чур тебя, Чур тебя, – возмутился Лукич. – У тебя Мокий одна беда, ветер в голове, а остальное проходящее.

– Мокий правду глаголет – сказал второй страж, переходя на шёпот – Слух прошёл, что княжна Софья пропала. Якобы с утра няньки её пропажу обнаружили. Говорят, князь жутко разъярён, не в себе. Рвёт и мечет!

– *Это новость!* – удивлённо воскликнул Эхнафаил. – *И моё упущение! Ну ничего, я всё разведаю!*

– Так озорная девка не в первый раз с князьего двора сбегает, – усмехнулся купец, не придав значения новой вести. – Погуляет на воле и вновь в золотую клеть прилетит. Оно же понятно, дело молодое, с подружками по лавкам пройтись, иноземные товары посмотреть.

– В этот раз иначе, – ответил Мокий, оглядевшись по сторонам. – Говорят, Светозар к её пропаже причастен. Во-от!

– Не может быть! – воскликнул купец и обернулся ко мне. – Слышь Глеб, всё как ты и предрекал, заговор супротив князя замыслили!

Господи, боже мой! Кто тебя просил Лукич, раскрывать карты, да ещё кому!

– Так он ещё и прорицает? – Мокий с подозрением уставился на меня. – Может ты знаешь, и кто княжну похитил?

Если меня раскусили люди Мстислава, они просто обязаны будут избавиться от «прорицателя». Я приготовился к самому худшему.

– *Ху-ух!* – услышал я запыхавшийся голос Эхнафаила. – *В общем так, Софья действительно пропала. Мстислав начал действовать, точно говорю это он,* – ангел замысловато ругнулся, – *А ты Глеб что в посох, как в родного, вцепился?* – спросил он и поняв в чём дело, продолжил, – *Великолепно! Стоило мне на минутку отлучиться, ты уже в... «шоколаде». Короче, этих не бойся, они не в курсе дел своего воеводы. Тот тоже далеко не дурак, всех в свои планы посвящать. Они убивать не станут, но Мстиславу о тебе донесут, у них обязанности такие. Так что нам лучше этих убрать по тихому...*

– Никого мы убивать не будем, – прошептал я в кулак.

– *Ну как хочешь! Тебе виднее! Звёздный воин у нас ты, не я!*

– Эй, ты что там бормочешь?! – окрикнул меня, и, кажется уже не в первый раз Мокий – Так ты сможешь сказать где княжна?

– Ну, если смотреть с точки зрения паранормальной интуиции, – ответил я. – То всё возможно.

– *А это уже лишнее,* – укоризненно заметил Эхнафаил. – *Мог бы сказать «никак нет».*

– Да куда ему, – поняв свой промах, попытался реабилитироваться Лукич. – Он имени-то своего толком не помнит. Юродивый он.

– Ладно, проезжайте, – проворчал стражник отходя в сторону. – Как от Любослава вернётся, пушай у тебя будет Лукич. За ним придут.

От его слов мне стало не по себе.

– *Зашибись! Приехали, называется, на помощь!* – проворчал ангел. – *Скажи спасибо куцу. Зря только его спасали от бандюков.*

Но ничего я Лукичу конечно не сказал, а начал трезво размышлять над создавшейся ситуацией. В принципе пока она была не такой катастрофической, как могло показаться на первый взгляд. Сейчас, главное, надо бы побольше получить информации. А кто её нам может дать? Правильно, лицо приближённое к княжескому двору. Светозар нас не примет, а тем более князь, если он сейчас в ярости, то ему лучше под горячую руку не попадаться. Остаётся одна кандидатура, племянник Лукича.

Добравшись до купеческого терема, мы обнаружили у него дома Никиту. Как говорит мичман Галактионов – на патруль и дезертир бежит.

Никита, при доспехах и оружии, сновал из угла в угол по горнице и был в весьма возбуждённом состоянии. Когда мы вошли, он бросился было лобызаться к дядьке, но, увидев в дверях меня, остановился.

– Дядь, а это ещё что за волхв? – спросил он, разглядывая мой странный посох и длиннополю рубашу, перепоясанную верёвкой.

– Волхв, не волхв, а человек он добрый и справедливый, – сказал купец, проходя в дом. – Он меня от гибели спас, а ещё ему ведомо стало о крамоле против князя.

– Ишь ты! – с неподдельным интересом воззрился на меня ратник. – Спасибо тебе, мил человек, за службу добрую, за изволение из беды дядьки Мартына.

Закончив на этом с благодарностями дружинник развернулся к дядьке.

– Дядько Мартын, а у нас тут такое лихо случилось... – Никита замолчал, многозначительно поглядев в мою сторону.

Перехватив его взгляд, Лукич, присевший на лавку, поспешил его уверить в моей надёжности:

– Ты не зыркай по сторонам, выкладывай как есть. Глеб больше вашего брата знает, прощатель он.

Дружинник ещё раз оценивающе взглянул на меня и стал рассказывать.

– Сегодня ночью княжну Софью похитили!

– Это мы уже знаем, а кто похитил? – спросил Лукич, снимая сапоги.

– Кто похитил неведомо, да только у Светозара нашли её кокошник с самоцветами, – выпучив глаза, сказал Никита. – Воевода Мстислав нашёл в колчане, к седлу коня Светозарова притороченному. Князь Святополк во гневе на Светозара, а тот одно твердит, мол ни сном, ни духом о княжне. Мстислав князю пообещал до утра разобраться со всем, а своим людям наказал Светозару допрос пристрастный учинить и стеречь того, дабы не убёг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.